

Владимир Марченко

Случайная симфония

Книга о тех, кто прошел 90-ые

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Марченко
Случайная симфония

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Марченко В. М.

Случайная симфония / В. М. Марченко — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Мы кружились в безумном танце и не думали о будущем. Все было так призрачно и непрочно. Когда на нас сваливались проблемы, мы только крепче нажимали на газ. Мы приходили в знакомые места и не находили там прежнего уюта. Мы теряли старых друзей и с трудом заводили новых. Вокруг нас гроыхал невидимыми шестеренками огромный мир, а до нас доносился лишь шелест осенних листьев, мрачные гитарные аккорды и случайные симфонии уходящего лета. Мы — поколение постмодерна девяностых, которое так и не нашло нужных слов. Пришло время остановиться и посмотреть на себя со стороны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Случайная симфония	7
Глава №0	8
Глава 1. Седое детство	9
Глава 2. Университеты «Погони»	11
Глава 3. Испытание иномарками	12
Глава 4. Первоклассник, первоклассник, в школу ты идешь, будто бы на праздник	13
Глава 5. Ребенок компьютерной эры	15
Глава 6. Начало школьного беспредела	16
Глава 7. Годы тумана	17
Глава 8. Несмертельные болезни	18
Глава 9. Доминантные подруги	19
Глава 10. Тем, кто прошел по лагерям, сегодня здесь, а завтра там...	20
Глава 11. Переломные классы	21
Глава 12. Хобби не для слабонервных	22
Глава 13. Дети канализационных труб	24
Глава 14. Снова в ссылке	25
Глава 15. Зачем нам нужны были шприцы?	26
Бонус-глава. Что я собирал в 90-ые	27
Глава 16. А что у вас внутри?	29
Глава 17. На земле обетованной	30
Глава 18. «Ставь две, а то у меня редкая» – бои на фишках	31
Глава 19. Я выбиваюсь в авторитеты	33
Глава 20. Жизнь – борьба	34
Глава 21. Схватка с роскошью	35
Глава 22. Не сотвори себе кумира...	36
Глава 23. Под трибунами большого спорта	37
Глава 24. Первые раны, первые драмы...	38
Глава 25. Восемнадцать первых глотков	39
Глава 26. Клубная культура	40
Глава 27. Коррупция в квартирном футболе	42
Глава 28. Тяжелые экзамены и легкое лето	43
Глава 29. Сборная Италии по футболу вылетает с чемпионата мира	45
Глава 30. О школе в целом	46
Глава 31. Когда идешь неверным курсом	48
Глава 32. Призрак полуночных трасс	49
Глава 33. Типичный представитель потерянного поколения	50
Глава 34. Повисший на мобиле	51
Глава 35. Параллельно с девушками мы знакомимся с прекрасными ребятами – Джином и Тоником	52
Глава 36. Вассалы юриспруденции	53
Глава 37. Вечный трип	54
Глава 38. А в следующей серии вы узнаете...	55
Глава 39. Чатлане – пришельцы новой эры	56

Глава 40. Баллотироваться в Comedy Club	57
Глава 41. «Настанет день и журавлиной стаей...»	59
Глава 42. Я к вам пишу, чего же боле	60
Глава 43. Мы окончательно выходим на Свислочь	61
Глава 44. Качка из меня не вышло, пришлось стать турникменом	62
Глава 45. Учеба, учеба превыше всего	64
Глава 46. Ночные мотыльки неверного света	65
Глава 47. Откуда они все-таки меня знали?	66
Глава 48. 9 жизней	67
Глава 49. С велосипедом по жизни	68
Глава 50. Лучше всего быть там, откуда некуда падать	70
Глава 51. Привокзальные беляши	71
Глава 52. Мы становимся настоящими юристами	72
Глава 53. Пришло время зарабатывать деньги	73
Глава 54. Первая работа	74
Глава 55. Работа-дом, работа-дом	75
Глава 56. Древний Алустон	76
Глава 57. Мама-анархия	77
Глава 58. День, когда я думал, что погиб	78
Глава 59. Дьявольский 2011 год	79
Глава 60. Что же было самым важным	80
Глава 61. Я вползаю в журналистику	81
Глава 62. Солнце запуталось в жалюзи	83
Глава 63. Продажный менеджер	84
Глава 64. По следам Малдера и Скалли	85
Глава 65. Вырванные куски	86
Глава 66. Побывай в Крыму, пока молодой	88
Глава 67. Гонзо, как образ жизни	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

*Моим родителям и друзьям
посвящается*

Случайная симфония

Когда друг сказал мне: «Тебе нужно засесть за мемуары», я лишь скривился, как от дешевого пойла. «На кой черт, дружище? Ты думаешь, кому-то может быть интересно, чем я тут занимался все это время?». Он серьезно кивнул и ответил, что пора наконец поведать всему миру о той чуши, которая происходила со мной и моим окружением.

Может, он и прав. Чем мое детство, отрочество и юность хуже десятка подобных историй. Почему бы и мне не выступить «голосом поколения», тихим плачем по всему тому, что с нами было. И ещё громче заливаться слезами по поводу всего того, что так и не произошло.

Глава №0

В моем понимании качественные мемуары должны начинаться со слов «родился я в тихой деревушке на юге Италии, у подножия которой шумело море...» или «это был крупный деловой город, в котором каждый жил своей жизнью и никому не было дела ни до чего». Я не могу начать свои воспоминания с этих слов. За окнами моего дома шумели кладбищенские деревья-великаны, а неподалеку грохотала машина, забивающая сваи. Моя улица названа в честь руководителя польской компартии и не так давно она считалась окраиной, а теперь переместилась ближе к центральным местам. Но именно с этими местами и связано начало моей жизни.

У нас дома играла музыка, которую воспроизводил кассетный магнитофон, мы заряжали воду от экрана телевизора и я почему-то помню обрывок календаря 1990-го года. В Нагорный Карабах введены войска, в Литве начинаются протесты, по швам трещит страна, в которой я родился, а я сижу и возякаю по полу игрушечной машинкой. Яркие воспоминания тех лет – бананы, купоны, что-то плохое случилось, Кашпировский. Все это утонуло в тумане.

Вы будете удивляться – какие же мемуары в 30 лет? А вот такие – первая часть воспоминаний и биографии, а также переосмысление всего происходившего. Во-первых, я не верю, что в 60-70 лет можно так же досконально помнить, что с тобой случилось в детстве и школе – память уже не та, а некоторые клетки мозга и вовсе мертвы. Во-вторых, «хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах», можно просто не написать никакие мемуары, запланировав их на 65 лет и немного не дотянув до этого срока. Пусть уж лучше будет вначале первая часть, а там посмотрим.

Глава 1. Седое детство

С детством у меня связаны противоречивые воспоминания. Это было время неумелых знакомств, формирующейся дружбы и первых столкновений с тем, что мир жесток и непрístupен.

С утра мы брели в детский сад. Хмурые, крикливые, беспокойные – мы волочились длинными струями из всех окружающих домов и неизбежно стекались в украшенные странными пиксельными рисунками здания детских садов, где нас ждали деревянные грузовики МАЗ, манная каша и общие туалеты. У нас на стенах висели советский флаг и герб, и мы были типичными «детьми перестройки» – рожденные на великом изломе великой истории великой страны.

Мы не ощущали этого величия, иногда мочились под себя, играли в войнушку и спали рядом с девочками. Правда, на разных кроватях, они обычно внизу, а мы – на верхних ярусах необычных выдвижных трехэтажных кроватей.

Именно в детском садике ко многим пришло понимание таких понятий, как «группа», «лидер», «богатые». У некоторых из нас были первые китайские машинки, другие таскали отечественный автохлам, а третьи подворовывали при случае и то, и другое.

В саду я впервые научился считать до десяти по-английски. Пожалуй, с тех пор я ни разу не делал таких же впечатляющих успехов в изучении чужого языка. Нам показывали картинки и говорили, что это слово «мак», а вот то, посложнее, – «самолет». Для неокрепшего детского мозга выучить слово в день – это, похоже, предельный максимум. Впрочем, я и до сих пор встречаю людей, которые услышат новое слово и потом ходят неделю, повторяя только его.

В те годы я мало общался. Я не знал, о чем говорить. О маках? Мы строили простые и односложные предложения и ждали родителей. Тупо садились с утра и ждали. Водили хоро-воды, дарили друг другу яблоки и металлических солдатиков. Бывало, что и дрались, но так, слегка, без мордобоя.

Уже тогда я понял, что лучшие женщины достаются лидерам и сами выбирают их. Мы, средние, могли довольствоваться неплохими подругами, но их любовь приходилось завоевывать. Или покупать. У меня было плохо и с первым, и со вторым.

Наши воспитатели и сами не знали, к чему нас готовить. Все было так мрачно и неопределенно. Вокруг нас вершилась история, могучие процессы сдвигали тектонические плиты социалистической формации, а мы спорили, кто сегодня возьмет самый большой грузовик. Мы стильно и интеллигентно одевались – колготки, рубашки, шорты. Просто не малышня, а юные модели. Я очень долго носил колготки, зато, наверное, у меня не будет простатита.

Мы фоткались. Приходили суровые дядьки, доставали страшные массивные аппараты, деловито заряжали пленку и наводили на нас объектив, заставляя улыбаться и не двигаться. Я улыбался как Бог – от моей искривленной ухмылки до сих пор бросает в дрожь. Потом приходили родители, вздыхали и платили за ЦВЕТНЫЕ фотоснимки начинающим нелегальным предпринимателям.

Именно в детском саду я познакомился с березовым и яблочным соками и влюбился в них без памяти. Они пьянили мозг, будоражили кровь и грели душу. Жарким весенним полднем нянечка выносила нам поднос с возделенной жидкостью и мы жадно хватали ее. Самые ушлые и жадные умудрялись выпить по два стакана. В туалет они тоже бегали в два раза чаще.

Мы жили, дышали, сражались друг с другом, ждали лета и не любили пронизывающие зимы.

А потом в нашей комнате сняли советский флаг и герб...

Глава 2. Университеты «Погони»

И тут мы поняли, что жизнь изменилась. Все будто сбросили какой-то груз, правда, посерьезнели еще больше. Мои родители вздыхали, глядя на висевший обрывок календаря за 1990 год и что-то приговаривали. Я не понимал – ведь шел 92-ой. Зачем сокрушаться о том, чего нет.

Шло время. Родители и бабушка с дедушкой бывало куда-то суетливо бегали и приносили целый ворох продуктов. Ходили слухи, что отменяют деньги, сделают это резко и неожиданно. Старые деньги исчезли в одну ночь, а у нас в доме появились непонятные картинки с цифрами. Взрослые будто играли с ними – вырезали, считали, а, бывало, носили целыми пачками. Мне объяснили, что это называется «купоны», что сейчас купить ничего нельзя, потому как денег нет. Но если ты обменяешь эти бумажки с цифрами, то будет и хлеб, и молоко, и чай, и сахар. Из всего этого я стабильно ел только сахар, поэтому и не парился особо.

Однажды дедушка с гордостью раскрыл кошелек и показал мне какие-то мелкие бумажки с зайчиком, белочкой, рысями. Он сказал, что так теперь выглядят наши, белорусские деньги. А я смотрел и не понимал – что это за зоопарк и почему деньги такие маленькие и игрушечные. Какие-то ненастоящие и больше подходят для дворовых игр. Но оказалось, что за них покупают вполне реальные продукты и вещи. А купоны отдали мне – пусть малой поиграется. И я вырезал, складывал «купюры» и чувствовал себя богачом.

В какой-то день в комнате детского сада появились новый гимн и флаг. Бело-красно-белое полотно и гордый рыцарь на коне. Нам сказали, что это вот, мол, теперь наши новые символы. Рассказали и про повязку Витовта, и про него самого на коне.

Примерно в это время я узнал, что «Запорожец» – не самая лучшая машина в мире.

Глава 3. Испытание иномарками

У некоторых родителей моих детсадовских друзей были машины. В основном они являлись порождениями советского автопрома и волжского автозавода в частности. У нас был двадцатилетний «ушастый» «Запорожец» – заднеприводный гигант далекого украинского города, легкий в управлении и починке автомобиль.

Однако вскорости на столичных улицах замелькали элегантные иномарки с непривычными для отечественного уха названиями. Мы благоговейно произносили «Мерседес», «Опель», «БМВ». В жвачках Turbo и Bombibom, которые мы иногда жевали, нам попадались Bugatti и Ferrari. Волшебный мир иномарок закружил нас в своем диком танце.

Мы все мечтали, что однажды будем управлять этими роскошными уличными лайнерами. «Забивали» машины для себя. Мы знакомились с техническими характеристиками и в первую очередь, разумеется, обращали внимание на максимальную скорость.

И вот, томным летним утром, нам напомнили, что скоро нам всем предстоит идти в школу.

Глава 4. Первоклассник, первоклассник, в школу ты идешь, будто бы на праздник

Я до сих пор не знаю, правильно ли поступили родители, отдав меня в 16-ую, а не в 127-ую школу. Я оказался в чужом районе, который находился в целой остановке от дома, я разом потерял всех детсадовских друзей, я был потерян и разбит.

1-ое сентября 1993 года был невыносимо пасмурным и хмурым днем. В другом садике, куда нас всех загнали, ярко горели лампы, неверный свет рассеивался плафонами, создавая желтый полумрак. Меня посадили с мальчишкой, который плакал и махал маме ручкой. Мне хотелось сделать то же самое, но я был обескуражен большим количеством новых и незнакомых людей и нервно сглатывал слюну.

Говорили какие-то речи, кто-то приглушенно всхлипывал, и было непонятно, что это за место, чем оно грозит неокрепшей детской психике и способно ли повлиять на будущее. С тех самых пор я словно всю жизнь стою на вокзале, встречаю и провожаю, здороваюсь и прощаюсь, люди мелькают, как вагоны скоростных поездов. Я не успеваю запомнить их имен, а они забывают меня уже на третий день. Временами я пытаюсь побежать за поездом, но он уходит, безвозвратно и навсегда...

Потом началась рассадка. Девочка, с которой меня посадили, была строга, сидела ровно и всегда держала руки сложенными по школьным канонам. Я, разумеется, проникся к ней симпатией, ведь мы сидели бок о бок, и сколько нам так предстояло сидеть, было неведомо никому.

Потянулась длинная канитель уроков. К обеду мои мозги кипели от всех этих логических задач, руки тряслись от бесконечных каракуль в прописях, сердце стучало от непривычных уроков физкультуры.

Мы постепенно знакомились. Парни мерялись длиной пеналов и крутостью автомобиль-моделек. Девочки сбивались в стайки и шушукались. В школу я впервые пришел в костюмчике со смешным ранцем с бабочками. Он был вместителен и прочен, я его любил.

В тихий час мы первое время, конечно, спали, особенно ближе к зиме. Но к концу первого года учебы самым престижным у пацанов было примерно за полчаса до подъема полностью одеться и лежать под одеялом в «готовом к употреблению виде». Мы даже соревновались, кто сможет одеться во всю одежду, вплоть до штанов.

Воспитатель из продленки раскусила нас довольно быстро. Кто-то неосторожно высунул облаченную в одежду руку и привлек внимание. Нагоняй последовал суровый. Но мы были почти второклассниками и все равно периодически одевались не в срок.

Мы оставались почти примерными детьми, почти не знали матерных слов и совсем не дрались. Правда, я как-то ругнулся некрасиво, за что был сдан учительнице, в свою очередь я свалил вину на кого-то из родных, была серьезная беседа, но мы, кажется, стали материться чаще и чаще.

А потом отец достал черно-белый монитор дюймов на 10, включил кассетный магнитофон, смахнул пыль с клавиатуры, извлек из шкафа новый джойстик и сказал, что теперь у нас есть компьютер.

Глава 5. Ребенок компьютерной эры

Что такое компьютер, я не знал. В процессе я разобрался, что это громоздкое устройство, которое несет в себе всякие полезные ништяки. Например, калькулятор на «тыщу миллионов» цифр или мозговыносящую игру, в которой бита выбивает мячиком кирпичики.

Современным детишкам трудно представить, что когда-то самая простая игра грузилась с аудиокассеты минут шесть-семь. Все это сопровождалось жутким перезвоном, который несколько не напрягал, потому как мы с отцом с нетерпением ждали загрузки. Бывало, старый магнитофон «Маяк» отстреливал кассету, а это означало, что весь путь нужно было проделывать заново. Я сидел с открытым ртом, глядя на это чудо инженерии.

Праздник в доме наступал, когда папа подключал цветной телевизор. Игра становилась не черно-белой, а раскрашенной яркими красками. По выходным я играл около часа. В будни я не мог самостоятельно все настроить и подключить. Это были тяжелые дни.

Учеба начала даваться мне неплохо. Я выписывал корявки в тетрадках, но больше умел и любил читать. Я знал простейшие данные об окружающем мире, но буксовал на «трех кругах», в которых надо разместить фигуры так, чтобы они соответствовали условиям задачи.

Мне помогали родители. Это было тяжело – педагоги из них не самые лучшие. Тем не менее мы постепенно осваивали мир цифр, знаков, слов и предложений.

В конце года я забыл в классе машинку и решил вернуться за ней. Впереди было лето, а там, как нам сообщили, мы переходили во второй класс, в «настоящую» школу.

Глава 6. Начало школьного беспредела

Школа поразила меня деловитостью, обилием людей, контрольно-пропускным режимом в виде суровых вахтерш и необходимостью поднять руку, чтобы спросить разрешения выйти в туалет. Привычка контролировать свои естественные нужды очень помогает мне сейчас, особенно в районах, где с туалетами напряг.

Я научился выговаривать букву «Р» (спасибо логопеду), а мы оказались лицом к лицу с «Б» и «В» классами. Нас дразнили «ашками-какашками» и вообще считали за биомусор (ведь по глупой советской традиции считалось, что в «А» класс набирали лучших. Нас ставили в пример, и это неожиданно оказывалось плохо, если ты общался с ребятами из параллелей.

Во втором классе я пережил страшное унижение моей школьной жизни – меня на двадцать секунд закрыли в женском туалете. Я успел оценить его чистоту и приятность. В него было не страшно заходить, в отличие от мужского.

Старшеклассники с утра занимали позицию в темном предбаннике столовой и пугали нас красным фонариком-брелоком, с ревом выбегая навстречу. Мы слышали истории о том, что тех, кто не успел убежать, щекочут до потери пульса. Так я научился быстро бегать задолго до советов Форреста Гампа.

Нас ловили и мутузили дежурные, окрикивали учителя, нам не давали веселиться на переменах. Однажды я поднялся на третий этаж. Это было негласно запрещено, но уж больно интересно было попасть туда. Журналистский нюх привел меня в запретное царство очень быстро.

Там я увидел загадочные кабинеты, наполненные какими-то длинными жирафами (старшеклассниками), нереальное движение и симпатичных девчонок.

И тут на ровном месте я получил первую двойку.

Глава 7. Годы тумана

К счастью, на общей успеваемости это не сказалось. Я по-прежнему шел на грамоту, мне окончательно стала нравиться литература, а слова я писал правильно просто потому, что много читал.

Те годы практически стерлись из моей памяти. Помню, как бабушка с дедушкой переехали от нас в далекую и загадочную страну «Малиновка». Однажды я оказался на этом краю мира и с ужасом смотрел на кольцевую автодорогу. Здесь явно обрывался мир. Мне стало казаться, что в Малиновку меня отправляют в каникулярную ссылку. Я плакал, упирался и боялся не вернуться из этого места.

Мы постепенно находили общий язык с одноклассниками (разумеется, не со всеми). Сладкие столы, совместные занятия и общность интересов постепенно формировали сплав будущей крепкой дружбы и взаимопомощи. К нам приходили новые люди, но новичков мы не прессовали. Кто-то стал учиться лучше, кто-то – хуже. Меня пару раз пытались побить, но в целом жизнь текла размеренно и тихо.

Вдруг в третьем классе нам сообщили, что с четвертого класса у нас будут разные учителя по разным предметам. Дескать, на год раньше начнете и хорошо!

Глава 8. Несмертельные болезни

Где-то тогда же я начал активно болеть. Я валялся с температурой и думал, что умираю, а ведь я еще так молод – даже не изучил дроби. Очереди в поликлиниках тянулись бесконечно. Меня освобождали от физкультуры на две недели, и я грустно просиживал уроки в классе, бродя по нему и катая бумажки.

Разные учителя учили нас только одному – теперь, чтобы хорошо учиться, ты должен нравиться им всем. Те, кто старался – нравились, остальным приходилось довольствоваться вторыми, третьими, пятыми ролями и местами в массовке.

У меня появились четверки в четвертях, а параллельно начал развиваться собственный бизнес. В нелегком противостоянии с местной алкотой и бабульками я вырывал свой навар, составленный из стеклянных бутылок и банок, и сдавал его в ближайший пункт приема. Теперь можно было купить себе жвачку или что-нибудь посерьезнее (если совершить пару рейдов).

Апофеозом моих болезней стало подозрение на проблемы с желудком, и я загремел в больницу. Месяц заточения в местной лечебнице был сравним с годом на зоне. Незнакомые ребята, в том числе шестнадцатилетние пацаны, лежавшие с язвой желудка, локальная дедовщина и прочие радости жизни быстро развеяли и без того неидеальные представления о жизни. Родители приходили почти каждый день, но я невыразимо тосковал по дому. Глядя сквозь пыльные больничные окна на улицы, полные неведомой, но бурной и активной жизни, я чувствовал, как же тяжело жить без свежего воздуха и пьянящего аромата свободы.

Особого лечения и испытания новых препаратов мне не назначали. Были какие-то процедуры, анализы и прочая лабуда. Мне поставили диагноз лямблиоз, и это пугало. Мы резались в настольный футбол, цепляли местных девчушек и вообще временами неплохо отдыхали.

Веселье кончилось, когда к нам в палату подселили трех девочек.

Глава 9. Доминантные подруги

Я никогда не был абсолютно закрепощен в общении с противоположным полом. Да, я многого не знал, например, что девушки не очень любят истории о бражниках «мертвая голова» или не подозревают, как правильно пишется название города Штутгарт. Но я не знал также, что девочки, которым нравишься ты, прут напролом в проявлении инициативы.

Звали ее каким-то странным именем, неженственным, прямо скажем. Возможно, Евгения. Был у нее здоровый пионерский напор, явный интерес к моей персоне и звездная россыпь веснушек. Такие девочки своего в жизни не упускают, и надеюсь к сегодняшнему моменту у нее все хорошо.

Мы в те годы даже не задумывались, каково это – делить узкую комнатенку с девочками (а ведь среди нас были и вполне взрослые по школьным меркам парни). Мне же больше нравилась другая девочка, а общался я и вовсе активнее всего с третьей (кстати, эта забавная триада будет потом преследовать меня всю жизнь). Примерно в то же время я и начал свой длительный процесс формирования женских подтипов – «скромница», «напористая» и «веселая, умная, но некрасивая».

Тогда же я ввязался в первое в жизни мужское соревнование за право «общаться» с девочкой. Мой соперник валялся с тем же диагнозом на соседней койке и усердно мастерил спидометр для будущего автомобиля, на котором он, с его слов, в будущем обещал прокатить общий объект наших симпатий. Я смеялся и говорил, что из коробки из-под сока можно смастерить в лучшем случае дырявую коробку из-под сока, а еще троллил его тем, что, мол, и девочку, и меня выпишут позже и у меня хватит времени ее «добить», а вот он вылетит в родной микрорайон ни с чем.

Их выписали почти одновременно, и мне резко стало скучно и захотелось домой.

Вернувшись, я обнаружил, что могу самостоятельно включать компьютер и оказалось, что мы перешли на 5.25-дюймовые дискеты.

Глава 10. Тем, кто прошел по лагерям, сегодня здесь, а завтра там...

Однако мои надежды на «компьютерное» лето не оправдались. Меня решено было сослать на месяц в детский воспитательный лагерь им. Гастелло. Ой, то есть детский оздоровительный, конечно. Это было уже мое второе лагерное турне, к сожалению, первое я помню очень плохо и в основном в негативном ключе. Только помню, что очень ждал родителей. Нас погрузили в автобус и потарабанили под Радошковичи. Пока мы ехали, я понял, что сбежать без денег не удастся.

Нас поселили по гендерному признаку. ВСЕХ мальчиков в одну камеру-комнату, ВСЕХ девочек – в другую. Кровати стояли вплоты одна к другой, и мне было неудобно. Тумбочка была одна на четверых, поэтому о сохранности вкусняшек также следовало забыть.

Как и в любом подобном сообществе, в нашем отряде быстро оформилась стадная иерархия. Наверху стояло лагерное начальство – «хозяин», «мусора» и «вертухай». В нашей камере, «кодле», оформились свои «кенты», «шустряки» и «уркаганы». Я с кентами отошел от «актива», но «шестерки» нашлись и без нас.

За малейшие провинности, особенно в тихий час, нас стегали ремнем. Баба-надзиратель, которая это делала, явно испытывала от сего действия садистское наслаждение. Вожатый из пацанов был не лучше – на его смене мы отжимались от грязных носков товарищей (подготовка к «армейке»). Некоторым из наших это помогло укрепить плечевой аппарат.

Мы висели в «клубняке», всячески увивали от обязательной лагерной работы и конкурсов и устраивали локальные беспределы. Однажды я выскользнул днем в туалет и увидел, что девочки из младших отрядов стоят на улице в трусах и майках. Так я понял, что в лагере все равны.

Особым шиком было заручиться помощью какого-нибудь орангутанга из «старших» отрядов. Обычно мы банально подкупали таких авторитетов то туалетной бумагой, то печеньем, то знакомством с кем-то из его друзей. Они обещали насовать любому, кто нас обидит. После этого мы ходили во «фраерах» и привлекали «сочувствующих». Старшие совершали некие непонятные для нас действия – они курили и небрежно сплевывали.

В лагере я думал, что научился нормально обнимать девочку в танце и скидывать ненужные карты при игре в дурака, а также точить лодки из крепкой сосновой коры. Девочка после ушла к другому, выкинув к чертям мой букетик из вялых полевых растений, за скидку карт мне насовали поджопников, а лодки я все-таки привез домой.

Родители приезжали раз в неделю, и я каждый раз просился домой. Мне было непонятно, ведь я отлично закончил четвертый класс, за что же меня сослали глотать лагерную пыль?

К счастью, лето кончилось, и я пошел в пятый класс.

Глава 11. Переломные классы

В пятом классе мы уверенно вступили в полосу развития среднегодок и пацаны вдруг полюбили футбол, а я еще и петь. Мы орали «Зимний сон» Алсу, ДДТ и прочие неформальные синглы вместо «Орленка» и «С чего начинается Родина?».

Нашу жизнь захватили тамагочи, тетрисы, инерционные машинки и прочая высокотехнологичная лабуда. У нас дома шло от силы три канала, остальные нужно было настраивать, держа антенну над головой. Стоя в такой нелепой позе я и познакомился с сериалом «Элен и ребята».

Похождения вечно целующихся французских студентов были для нас в новинку и хотя экшна как такового там особо не было, но следить за «отношениями» было модно.

Девочки, которые к тому времени обогнали нас в половом развитии на добрых года три, активно обсуждали красавчиков из сериала и прически их подруг. Параллельно я посматривал «Чудовищную силу», «Войну гоботов» и другие пацанские мульты. Уроки временами приходилось делать небрежнее – времени в плотном графике школьника девятиклассника не оставалось совсем. Вы же помните – бизнес, компьютер, разговоры по телефону, футбол.

А потом я как-то незаметно вновь сошелся с дворовыми друзьями – ребятами из детсада.

Глава 12. Хобби не для слаонервных

Было у меня в детстве одно довольно странное увлечение. Ну, это когда делать было совсем нечего. Даже не помню, как оно зародилось. Кажется, мы с пацанами случайно что-то нашли... Но обо всем по порядку.

Где-то начиная класса с третьего мы с ребятами со двора, а иногда и я в одиночку, прочесывали пространство перед нашим девятиэтажным домом и двумя соседними пятиэтажками. Причем делали это не со стороны подъездов. Мы ходили под окнами и продирались через кусты. Мы искали, как сейчас бы сказали, «артефакты», а на самом деле высматривали выброшенные жильцами в окно вещи. И находили!

Ништяки, которые призывно блестели в траве, порой бывали странными и неожиданными. Хотя нет, в основном все же попадались интересные предметы – один раз я нашел плоского металлического солдатика-морячка, а в другой раз пистолетик странной конструкции. Однажды я шарился под окнами одной из пятиэтажек и слушал детский плач. Вдруг что-то прошелестело по веткам и хряснулось на землю в двух метрах от меня. Удивленный и испуганный, я подошел поближе. На земле валялись пластмассовый танк на батарейках и черный американский тягач с прицепом. Я залип на пару минут.

На одном из верхних балконов показалась маманя с сигаретой. Она взглянула вниз. На мои вежливые предложения доставить выпавшую продукцию китайских заводов обратно она ответила отказом. А затем и вовсе предложила оставить себе. Я оставил.

Продуктивный и насыщенный диалог подтолкнул меня аккуратно собрать в охапку танк и тягач и пойти домой. Родители, конечно, думали, что я где-то умыкнул этот транспорт, но он действительно свалился мне на голову. Броня китайского танка не выдержала падения на землю и ездить на батарейках ему уже было не суждено. Когда я вставлял их, машина пищала, стрекотала и явно пыталась сдвинуться с места. Но поврежденное шасси не давало этого сделать. А вот тягач мне понравился, хотя он был ободран вхлам, даже колеса были заботливо избавлены от шин. Но у него был полноценный длинный ПРИЦЕП. С такой игрушкой ничего не было страшно.

«Собирательство» как-то быстро вышло из моего личного списка модных увлечений. Все-таки родители не одобряли времяпрепровождение в стиле «шариться по помойкам». Да и что-то действительно ценное находилось редко. Последним (но звучным) отголоском этого хобби стала находка, сделанная мной по дороге из поликлиники домой в 11 классе. Я шел между 127 школой и одной из местных пятиэтажек. Профессионально скользнув взглядом по склону, я вдруг увидел четыре компакт-диска, аккуратно лежащие один на другом. Я собрал их и пошел домой. На одном было каллиграфически выведено «Белые ночи». Я-то, по наивности, конечно, подумал об экранизации книги Достоевского. Мда. В общем, на двух из четырех носителей была эротика отличного качества. Шел 2003-й год, и подобные находки были на вес золота. Остальные два диска не воспроизводились. Какова их судьба? Два «рабочих» я продал однокласснику за 5 000 рублей (это была шадящая цена, просто он постоянно снабжал меня компьютерными играми). Он, естественно, вначале взял их «посмотреть», решив, что просто скопирует содержимое на комп и вернет с мотивировкой «не понравилось». Хрен там! На дисках стояла защита от копирования. Так что пришлось ему раскошелиться. Два других, увы, пришлось просто разломать и выбросить – больше они ни на что не годились.

Дворы, в которых мы росли, уже к концу 90-ых были заполнены автохламом. Старые «запорожцы» и «жигули» первых серий постепенно обрастали пылью и гнили на обочинах. Радикальная дворовая молодежь нашего района не прощала предательства по отношению к «железным коням». Такие машины вскрывались при помощи пролетарских методов (булыжником, запущенным в боковое стекло томным апрельским вечером).

Серьезные барыги действовали по-взрослому. В первую очередь выносили запчасти, иногда даже выволакивали двигатель. Оптику и стекла чаще всего разбивали. На моих глазах зеленый ЗАЗ, крепко стоявший на четырех колесах и блестящий на солнце, спустя время превратился в корпус-заготовку с вывороченной трансмиссией. Из него «изъяли» все.

Шатался и я вблизи таких автомобилей. Все присматривался к синему «запору». Наконец, дождался – увидел, что стекла выбиты и замки сломаны. Взял я какого-то малого на стреме постоять и сбегал домой за отверткой. Хотел занять сувенир. Руль в машине оказался уже выкручен, зато коробка со спидометром и датчиками уровня масла и бензина была на месте. Удача! Начал ковырять. Пришлось сбегать еще и за плоскогубцами.

Спустя минут двадцать выдрал я этот спидометр-бокс и вышел. Никто не орал, не вызывал спецназ и даже кораблей пинской военной речной флотилии не было видно на дороге. Ладно, думаю, скручу еще и номера задние. На велосипед повешу.

С номерами вышла незадача – вышла из подъезда бабка и пообещала вызвать не только катера пинского пароходства, но и отряд имперских штурмовиков. Я плюнул и свалил, попутно прокричав «всетакаделают» в ответ на «чтожевыделаетеироды».

Дома мне влетело, конечно, крепко. Спидометр-бокс был разобран и под покровом ночи вынесен по частям (датчики мне все-таки удалось оставить). С тех пор машины я не разбираю.

Жаль, хорошо начинал, сейчас бы в автомеханиках ходил.

Глава 13. Дети канализационных труб

Когда-то на нашей улице возле дороги валялись массивные канализационные трубы и предназначенные для укладки теплотрассы колодцы. Мы были настолько малы, что без труда помещались в них. Играть в прятки «на трубах» считалось особым шиком – искать там было сложно, а прятаться легко. Я иногда отрывался от компа и вылазил туда, вызываемый криком друзей под окном.

На улице мы шалили дико. Мы растворялись в «московских прятках» по всем четырем подъездам нашего четырехсотквартирного дома, играли в волейбол над стойками для выбивания диванов, совершали вылазки в соседние дворы. Играли в Counter-Strike не по сети, а вооружившись палками, похожими на наган, и спорили кто кого быстрее убил дольше, чем стреляли. Мы звали подруг из соседних подъездов и зажимали их во время активных игр. Строили шалаши и бегали за квасом, надменно не давая малышам пить «малы вы еще, а тут алкоголь», нас слегка размаривало и мы брели домой, полупьяные, но счастливые.

Один раз я достал газету из почтового ящика, пробежал ее глазами и вставил обратно. Из ЧУЖОГО запертого почтового ящика. Так я узнал, что длинные пальцы – это очень хорошо. Как-то летом мы подкрались к бытовке, что была возле труб, и влезли внутрь. Открыв шкаф, мы в ужасе отшатнулись – нас атаковал рой моли, съевшей бушлат. В отместку мы расколотили среди белого дня стекло в ней и свалили во двор.

Нас шпыняли взрослые, гоняли подростки, но и мы уже могли покомандовать определенными «мальками».

Жизнь налаживалась, у нас сформировалась новая власть, белорусский язык был заброшен на окраины истории, мы вступили в пионеры и вообще, главное было, не попадаться – тогда все было хорошо.

Ровно до той поры, пока меня не сослали в лагерь в очередной раз.

Глава 14. Снова в ссылке

Новая поездка в лагерь почти ничем меня не удивила. На этот раз мальчишки и девочки занимали по две комнаты, каждое утро нас будил рев дискотечных колонок с песней Final Countdown, а еще по комнате приходилось дежурить и убираться в ней. Местные авторитеты, по традиции, забрали себе лучших девушек, ну а уж мне, как водится, досталась тоже поначалу неплохая.

В этом лагере мне удалось сколотить вокруг себя банду нормальных пацанов. Мы ели сухой Yuri, играли в полноценную войнушку в соответствии со стратегией учебных боев и ходили на дискачи. Это был период расцвета группы «Руки Вверх!» и фильма «Титаник», поэтому все девочки были одеты в тематические майки, а весь лагерь хором орал ди-джею, чтобы тот поставил медляк от Селин Дион. Во-первых, он длился почти пять минут, а во-вторых... ну вы поняли, это было популярно.

Вообще с точки зрения формирования интересов и дальнейшего образа жизни эта поездка в лагерь сыграла для меня важную роль. Памятное поражение сборной Италии от Франции по результатам пенальти предопределило мою преданность апеннинской дружине.

Тогда же я в первый (и уж точно в последний) раз плакал из-за женщины. Моя подруга ближе к концу смены решила диаметрально решить вопрос с моими ухаживаниями и согласилась танцевать с другим, отказав мне. По лагерным понятиям это была измена и проброс. Пацаны меня утешали, мы собирались подкараулить нового кавалера, но я как-то на удивление быстро отошел. Девочка мне очень нравилась, но зачатки мужской гордости начали пробиваться уже в тот период. Я был молод и беспечен.

Не могу сказать, что я покидал лагерь с такой уж тоской, но этот раз мне явно понравился больше.

Глава 15. Зачем нам нужны были шприцы?

Я абсолютно не помню, как зародилась эта игра. Несчастный червячок честолюбия нашептывает, чтобы я приписал авторство себе, но этого я делать не стану. В общем, в один ничем больше не примечательный день бабушка отдала мне старый 2 мл пластиковый медицинский шприц. Я пытался поиграть с ним в доктора и организовать микрокапельный полив, но это оказалось скучно. И тогда я просто взял его на дачу к другу.

Там были ребята постарше и у них были клевые пневматические пистолеты с пластмассовыми пульками. А у нас с другом только шприцы – он тоже раздобыл один экземпляр. И вот тут и пришла кому-то в голову эта безумная идея – поиграть в водно-пластиковую войнушку. Мы набирали жидкость из бочки для сбора дождевой воды, а наши «противники» палили нам в спину или по ногам пластиковыми шариками. Получалось мы их «мочили», а они оставляли на нас синяки или (что чаще) – брали в плен, потому как вода высыхала, а вот синяки оставались надолго.

Эту игру я увез с собой в город. Мне понадобились шприцы с более солидным «боезапасом». Я взял у бабушки «стволы» на 5 и даже 10 мл. А потом упросил родителей купить мне клевое устройство с прорезиненным поршнем на 20 мл. Это было божественное оружие. Мы перенесли баталии в наши квартиры, используя небольшие емкости для подзарядки. Разумеется, у этой игры были ограничения, ибо потом приходилось протирать кучу мебели и пол и следить, чтобы вода не попала на электронику, но зато было весело. Один из «бойцов» обычно занимал ванну – там было легче всего протирать стены, а в конце, когда воды в емкости оставалось совсем чуть-чуть, по ванной наносился «ядерный удар». Пластиковая тара из обрезанной наполовину бутылки летела напрямиком в ванную, заливая все водой.

Я никогда и нигде больше не слышал о том, чтобы шприцы использовали таким образом – для «квартирной» или полевой стрелялки. И вряд ли уже услышу. Но вы знайте – если найдете у ребенка шприц, возможно, он просто является последователем придуманной нами игры «Водные баталии».

Бонус-глава. Что я собирал в 90-ые

После того как рухнул «железный занавес», на неподготовленных граждан бывшего СССР обрушилось невиданное доселе изобилие продукции и товаров самого разного назначения. Полки продмагов, детских и хозяйственных магазинов заполнил китайский ширпотреб – яркий, дешевый, такой новый и вожаденный. Массово стали появляться киоски и ларьки. Глаза разбегались не только у детей, но и у взрослых. Мне было интересно очень многое, и все-все хотелось попробовать и иметь в собственности. Так и началась история моих увлечений.

«Пацанские тачки»

Видя, сколько сегодня в продаже машинок, инерционных и на пульте управления, я понимаю, что жил в общем-то еще в эпоху дефицита. Хотя по сравнению со скудным ассортиментом моделей Made in USSR тогдашнее количество появившихся в продаже китайских поделок впечатляло. Вы ведь помните эти миниатюрные копии известных во всем мире авто?

Подобные машинки продавались по отдельности и в составе наборов. Мне однажды повезло. На Новый год мне был подарен сиявший яркими красками наборчик из «гоночных» версий уже знакомых мне тогда спорткаров – о чем еще можно было мечтать в 6-7 лет? Были, впрочем, и машинки еще меньше – китайские производители уже тогда начали экономить.

И, разумеется, у меня была целая куча инерционных китайских машинок разной степени похожести на оригиналы. Большинство благополучно подарено подрастающему поколению, у меня их осталось всего несколько штук, самых памятных и оригинальных.

Знаки отличия

Многие в СССР собирали значки. Большинство из них досталось мне от родителей. Часть я нашел, часть поменял, часть мне подарили. Это потом, в 2000-ые появятся круглые значки с символикой футбольных клубов, прикольными надписями и звездами. Я же довольствовался образцами советской эпохи. Конечно, с «Ударником коммунистического труда» я в школу не ходил, но, к примеру, поезд или олимпийского мишку иногда прицеплял к лацкану пиджака. Все значки из детства у меня сохранились. Забавное было увлечение.

Вместо картинок из Google

Коллекционирование марок – древнейшая забава человечества. Маленькие картинки несли колоссальную просветительскую функцию. Каждый филателист мог часами рассказывать об изображенных на них объектах, личностях и пейзажах, а иногда и рассказать историю самой марки.

Увлечение как-то само собой сошло на нет. Марки в киосках стали неинтересными (потому что стали в основном белорусскими и продавались исключительно для наклеивания на конверты). Отчасти их сменило другое увлечение.

Золотой фонд класса «А»

Более 800 фантиков от жвачек Turbo удалось мне собрать совместно с одноклассниками. Собиралось и выменивалось это сокровище годами. Челюсти от пережеванных в то время жвачек болят до сих пор.

«Турбы» выходили сериями. О первой ходило много мифов, а правду о некоторых сериях я узнал только недавно. Мы думали, что на фантике №1 изображен суперпоезд или суперпрототип секретной машины. Мы не понимали, почему ни у кого нет вкладышей с 1 по 50. Все оказалось прозаичнее – жвачки с вкладышами первой полусотни выпускались и продавались

только в Турции (наша Turbo оттуда родом). А на первой изображен обычный красный Opel Ascona. История Turbo сейчас детально расписана в Интернете. После «старых Турб» выходила серия новых – она у меня почти вся, не хватает буквально пары штук. Были еще Turbo Classic, Turbo Sport. В сборе коллекции участвовали и мои одноклассники, правда, Турбы они покупали редко, но вкладыши всегда отдавали. Это было душевно, девчонки.

В 90-ые мы больше общались, менялись фантиками в том числе и с ребятами из соседних классов. Коллекция моя росла и множилась бы и до сегодняшнего дня, но произошло ужасное. Нашу страну наводнили подделки, притом шли они из самой Турции. Серии стали повторяться, нумерация в них достигала каких-то немислимых номеров, вроде 507 или 349. Машины добавлялись на какие-то вырвиглазные подложки. Этот процесс тоже описан в Интернете. Потом Турбы пропали, иногда периодически появлялись, но покупать их я уже перестал.

Википедии моего детства

Издательство «Росмэн» ворвалось в мою жизнь внезапно. Оно привлекло яркой энциклопедией «Юный исследователь», посвященной автомобилям, мотоциклам и поездам. С тех пор началось наше длительное и плодотворное сотрудничество с этим издательским домом.

Была еще такая книжка «Монстры. Привидения. НЛО». В нашем классе, да и мной самим, она была зачитана до дыр. Уже в 10 лет я знал, чем контакты первого рода отличаются от контактов третьего рода, кто первым увидел НЛО и живут ли плезиозавры в озере Лох-Несс. Это было здорово. Тяга к непознанному началась у меня именно с этой книги и потом очень помогла в том числе и в журналистской карьере.

Альбомы с наклейками Panini

Итальянские альбомы с наклейками не заполнял в те годы только ленивый. Они выпускались как для мальчиков, так и для девочек. Помните все эти Barby и Sindy, трансформеров и футбольные журналы? Мой первый альбом был посвящен чемпионату мира по футболу 1998 года. Привезен из Израиля уже в основном заполненным. Пару раз я покупал наклейки и у нас. А самым любимым альбомом был «Боевые самолеты», почти заполненный.

Автожурналы и каталоги

Рынок печатной продукции в 90-ые просто прорвало. В Беларуси постоянно открывались новые издания, было много журналов из России. В те годы я покупал в основном автожурналы, так как очень увлекался автомобилями. Очень качественным изданием, на мой взгляд, был отечественный журнал АВС (и антиблокировочная система тормозов, и обгрывание известного АВС). Журналы покупал и позже. В основном российские.

Магнитоленты – счастье на полтора часа

Да, друзья, 90-ые – это час торжества аудио- и видеокассет. Покупал я их редко, будто предчувствовал, что скоро все это будет не нужно. Компакт-диски уже тогда продавались параллельно и имели признаки техники будущего в отличие от архаичной ленты, которую жевало, она шипела и скворчала. И все-таки не было волшебнее чувства, чем заполучить очередной магнитоальбом какой-нибудь модной группы вроде тех же «Руки вверх!».

Глава 16. А что у вас внутри?

Два щупа из гибкой проволоки стальными змейками легко проскользнули в горло и устремились в пищевод. Главное – дышать. Перестанешь дышать, испугаешься и все – начнешь кашлять и тогда зонд извлекут и просунут заново. Я лежал на боку и дышал носом. Санитары крепко сжимали руки и ноги, ну с моими 40 кг веса у них проблем не было. Доктор глубокомысленно смотрел на экран. Там трепыхались внутренности, чавкал пищевод и шевелился желудок. Прозвучало «хм, доставайте». «Японский зонд», как обитатели больницы звали его между собой, начали проворно извлекать. Длинный шланг выскользнул из меня и я отрыгнул остаток желчи.

Так для меня завершилась одна из самых неприятных процедур – фиброгастродуоденоскопия, или ФГДС. В тебя вставляли длинный шланг с фонариком и камерой на конце, которые позволяли доктору увидеть реальное состояние внутренних органов. Надеюсь, все нужное он увидел, потому как горло болело еще несколько дней.

Разновидностью этой процедуры была еще более ужасная, которая длилась два часа. Ты глотал зонд потоньше (тоже с адской болью) и его вводили в пищевод до определенной метки. Замеряли. Потом тебя усаживали на стул. Замеряли. Потом укладывали на кушетку. Замеряли. Потом давали бульон (для стимуляции выделения желудочного сока, бульончик, кстати, был вкусный). Замеряли. Потом откачивали желчь. Замеряли. Называлось это рН-метрией.

А некоторым пациентам еще делали биопсию печени. Отщипывая небольшой ее кусок. Но вообще в больницах временами бывало очень весело.

Глава 17. На земле обетованной

Это был 1998-ой год, и наша страна только-только начала поступательное движение от одного кризиса к другому. Поэтому, оказавшись на территории ближневосточного государства, я испытал легкий культурный шок.

Израиль поразил меня скудостью природы (и при этом выходами к двум морям и наличию внутреннего соленого озера под названием «Мертвое море») и обилием арабов. До сих пор не могу забыть, как ускорялся иерусалимский городской автобус, проезжая чисто арабские кварталы. Пение из минаретов по утрам, испепеляющая жара днем, ни капли дождя за месяц и ощутимо более развитая индустрия потребления, которую мы, полунищие белорусы, воспринимали как нечто неземное.

Там я впервые (и пока в единственный раз) видел вблизи автомат М-16 и разбитую авианалетом автобусную станцию. В большинстве туристических мест – военизированная охрана, в том числе суровые еврейские девушки с тяжелыми «эмками» на плечах.

А еще это было знакомство со Средиземным и Мертвым морями, сломавшийся на единственной трассе прокатный микроавтобус в котором мы проторчали часа три, шашлыки на крыше жилого дома, святые для каждого христианина места, местный зоопарк и целый месяц настоящего безбашенного лета.

Вернувшись в пятый класс, я навсегда принес с собой тягу к путешествиям и открытию новых мест.

Глава 18. «Ставь две, а то у меня редкая» – бои на фишках

Вместе с турецкими и другими жвачками в нашу страну хлынули и комплекты «жвачка + фишка». Последняя представляла собой кусок круглого картона, на который наносили всевозможные изображения. Были здесь и герои популярной серии игр и боевика *Mortal Combat*, и симпатичные девушки, охотно оголявшиеся если вы терли пубертатной слюной их бюстгалтеры, и таинственная, считавшаяся элитной, серия *POG*. Не помню, как мы вообще узнали или придумали, что в фишки можно играть. Но единожды попробовав, остановиться не смогли.

В фишки «лупились» на переменах и после школы, во время уроков и в раздевалках. Характерный «чпок» означал одно из двух – или фишка перевернулась вверх изображением, или не смогла преодолеть притяжение и осталась лежать рубашкой вверх. В последнем случае противник (если его фишка перевернулась) забирал вашу и бил о пол двумя. Если переворачивались обе – он побеждал и забирал кровно заработанное. Еще продавались специальные «биты» – круглые куски из прочного пластика, похожие на небольшие шайбы, которыми можно было ударить целую стопку фишек (если играло человек 10 или ставили по две фишки). Биты были признаком элиты и мастерства.

Я играл лихо и часто, но, как и любой честный игрок, с переменным успехом, примерно выходя «в ноль». Иногда победа шла за победой и стопка картонок в кармане увеличивалась. А потом можно было все просадить за перемену и «стрелять» фишку у друзей. Фраза при просьбе была такая «Дай фишку, чувак, выиграю – отдам». Можно было, конечно, и не выиграть, тогда снова приходилось одалживать или покупать в ларьке и т.д.

Администрация школы быстро (и вполне справедливо) признала игру азартной, приравняв к картам, и в школе играть запретила. Фишки старшеклассники изымали, иногда мы и сами, будучи дежурными, отбирали их у «пионеров». Популярным было «выметание» фишек. Оно случалось, когда кто-то решал завязать и выбрасывал фишки во двор из окна или устраивал раздачу в школе. К этому событию всегда нужно было успевать, такая халява случалась редко.

Фишки покупали, ими обменивались, их находили, воровали, отбирали и, конечно, выигрывали. Никто не хотел играть «против» потертого или расслаивающегося кэпа. А если кто-то считал свою фишку элитной (например она была переливающейся, «с голограммой» и т.д.), то он ставил ее против двух твоих «морталов».

Теперь о том, что осталось конкретно у меня. Любой парень мечтал иметь всю коллекцию *Mortal Combat* и мне, например, это сделать удалось, чем я несказанно горжусь и сегодня. Они все-все здесь, с первой по последнюю. Выменянные, выигранные, купленные («повторки» менялись добрыми продавцами и не менялись злыми). Красота!

Серия *Chupa Chups* могла летать и ходить. Seriously. Вставляете одну фишку в прорезь другой, оттопыриваете и запускаете. В них и играть надо было на «чья дальше улетит». Или вставляете и толкаете – какая же пара дальше «прошагает». Я на такое не играл, мама покупала их в магазине в здании работы, это был дефицит.

Очень любопытная серия *Евро-2000*. Судя по малочисленности и если память не подводит, я закупался ими в Украине, пока был там на отдыхе. Турецкий ширпотреб, конечно,

выпущенный к ЧЕ-2000 по футболу, но с бразильцами и аргентинцами. Брал, потому что с футболистами.

Остальные фишки раздал, проиграл, потерял. Но те, что остались, служат вечным напоминанием о веселых деньках.

Глава 19. Я выбиваюсь в авторитеты

Летом 1999-го года я снова попал в лагерь. И это был первый и последний детский лагерь, из которого мне не хотелось уезжать. Дело в том, что я попал в отряд, где был старше всех на класс, плюс вожатой была моя двоюродная сестра. Эта нехитрая комбинация позволила мне занять главенствующее положение в этой маленькой локации.

Это был лагерь относительной свободы. Если я скажу вам, как мы свободно выходили за территорию и устраивали километровые пробежки до ближайших дач, вы мне, конечно, не поверите. Но это было. А еще мы отдыхали с ребятами из г. Мозыря. Они рассказали мне о легендарном футбольном клубе «Славия», за который я пообещал болеть в следующем сезоне и не прогадал (Славия-Мозырь в следующем сезоне во второй раз в истории стала чемпионом Беларуси по футболу).

Девочку я нашел тоже из Мозыря. Правда, она была одноклассницей чувака, с которым мы делили комнату, и это сыграло свою решающую отрицательную роль. Но сей казус случится позднее, а пока я наслаждался.

Танцы, тусовки, беседы, игры – все это было у нас в полном объеме. В предпоследнюю ночь мы устроили «лагерный беспредел». Я проснулся от холодного, но мягкого поцелуя и увидел двух самых симпатичных девчонок из нашего отряда. На мой резонный вопрос они ответили, что сегодня «малинная ночь» или «ночь-малинница» (или какой-то подобный бред). Своими поцелуями они разбудили всех пацанов из нашей комнаты, в свою очередь мы с другом пошли мазать пастой других девчонок. Разбудили и их. В итоге через полчаса не спал весь отряд. Мы носились по комнатам, врвались к соседям и валтузили их подушками, девчонки стали визжать, проснулись вожатые. Нас успокаивали, мы ложились, снова поднимались и продолжали «оргии». В семь утра все наши кровати были застелены, а спать никто уже не хотел.

Я не знаю, что наш отряд устроил в этом лагере в последнюю ночь. Может, они объявили наш корпус «Автономной лагерной анархической республикой» (А.Л.А.Р.), может, они захватили столовую и музыкальное оборудование и устроили ночь жратвы и движа. Я уехал днем следующего дня в тарахтящем, но верном «Запорожце», впервые покидая лагерь с грустью, и не без сожаления.

А осенью одноклассник предложил мне пойти на греко-римскую борьбу.

Глава 20. Жизнь – борьба

Наша тренировочная база располагалась на улице Короля в бывшем здании 16-ой школы, в которой я учился. Тренер, конечно, сразу меня раскусил, молвив: «У Володи нет спортивной злости». Да, у меня ее не было и в помине. Борьба – жесткий контактный вид спорта, хотя там не надо было мочить соперников ударами в лицо. Но спортивной злости мне это не добавило.

Заниматься было интересно. Мы учились «читать» действия соперника, вытирая пот и сопли. Незаметно борьба приобрела популярность среди большинства пацанов нашего класса, но многие занимались нестабильно. Мне нравилась «прокачанная» физкультура борьбы и скоро отметки и результаты школьных уроков по физре поползли вверх. Мы боролись за место под солнцем.

Зимой мы играли в футбол «на износ», тренер швырял меня через бедро раз по 20 за тренировку (я был самым высоким и легким). Потом я ткнул одноклассника шеей в мат и долго переживал. Тренер часто говорил: «Пусть лучше они здесь будут, чем пиво хлещут по углам». Я не знал, чем так плохо пиво, но мы его презирали.

А потом я попал на плановое медобследование. Бледные блондинистые волосы врача встали дыбом, когда она узнала, с какими диагнозами я занимаюсь борьбой. Она долго орала, эта недовольная жизнью гражданка, почуявшая кровь. На моей спортивной карьере навсегда поставили жирный черный крест.

Тренеру было наплевать. Он ценил настоящих пацанов. Если они готовы были переступить через свои «диагнозы» и бороться каждый день с другими, а главное – с самим собой – он был счастлив. После необъективной медкомиссии я не бросил борьбу. Я ее продолжил, но в несколько ином качестве.

Мы съездили на соревнования. Меня хватило на два броска от двух разных соперников. Остальное время я жрал бутеры, ржал с пацанами и думал, как долго мы будем выбираться из поселка Чисть Молодечненского района. Везли нас, детей, в грузовом отсеке желтого микроавтобуса «Мерседес».

Отборовшись, солнечной и яркой весной 2000-го года мы начали снимать значки с автомобилей.

Глава 21. Схватка с роскошью

Мы стали «дворовыми пиратами». Компьютер и солдатки были заброшены в дальние углы и пылились. Нашим оружием в борьбе с миром взрослых стала отвертка. Я пользовался узкой велосипедной (той, что шла в комплекте бардачка велика «Аист») – она была легкой, прочной, плоской и очень незаметной.

Первым я снял «Фольксваген». Это был бледно-кремовый универсал, и значок висел сзади без всякой охраны. Руки мои дрожали, а всплеск адреналина был максимальным. Но я его снял. Просто поддел резиновую подкладку и схватил пальцами.

Мы тренировались. Для себя я снял не так много – «Форд», «Самару» и еще какой-то корч. А вот друзья мои взялись за дело с энтузиазмом. Один из одноклассников надолго заработал мое уважение за то, что снял четыре кольца «Ауди». Все четыре кольца, представляете? Причем с «горячей» машины (то есть ее капот был теплым, а значит, она недавно приехала).

Нас много раз могли засечь, нам кричали с балконов и подъездов. Но «Жигули», «Москвичи» и прочий автохлам продолжали терять свои идентификационные знаки. Это было секундным делом, вопросом удачи, сноровки, ловких и точных движений. Правда, однажды нам попался хитрый автовладелец. Задний значок его «Гольфа» был словно приварен к корпусу автомобиля. Он пружинил и поддавался, но сниматься упорно не пожелал.

Я не продал ни один значок. С одной стороны, боялся, с другой – не для этого я занимался «промыслом». Мы были правонарушителями, но так и не стали бизнесменами. И в этом, я считаю, тоже заслуга моего поколения. Мы могли причинить вред ближнему, но не нажиться на этом. Это отличает нас от предшественников и пришедших на смену.

Примерно к тому же времени я активно увлекся футбольным клубом «Ювентус»

Глава 22. Не сотвори себе кумира...

Подростковый азарт позволял нам увлекаться всякими заразными вещами вроде футбола или музыки, правонарушений и компьютеров. Футбол стал нашей движущей силой, приводным механизмом нашей дружбы и командного взаимопонимания. Во время чемпионата мира 1998 года мне запомнился один паренек – Алессандро Дель Пьеро. Я увидел, что народ часто покупает майки с ним. Он всегда был таким открытым и позитивным на поле и, конечно, хорошо играл. Восхищение этим парнем я перенес на футбольный клуб, за который он выступал. Им стала известная туринская команда с латинским названием «Юность».

Любовь к «Ювентусу» и Дель Пьеро в частности я несу уже много лет. Мы стали с этой командой единым целым, подобно сросшимся сиамским близнецам. Их победы – это и мои выигрыши тоже. Мои поражения – это и их боль. Даже цвета их футболки – черно-белые вертикальные полосы – являются идеальным отражением моей жизни, состоящей из таких простых контрастов.

Я стал следить за матчами, счетами, таблицами, переживать и болеть. Я стал одним из миллиардной армии поклонников футбола.

Фоном из каждого утюга звучали веселые и бездарные песенки дуэтов «Чай вдвоем» и «Тату». Слова их песен публиковали в газетах и журналах, кассеты ставили на видное место. После лагерей мне особенно захотелось сохранить песни «Руки вверх!» для души и я стал фаном этой группы. Я купил кассету с лучшими хитами и новым альбомом и заслушивал ее до дыр. «Без любви», «Крошка моя», «Ты назови его как меня» – какафония этих мотивов и теперь иногда преследует меня.

Я был нетипичным попсовым порождением времени. Пока одноклассники слушали «серьезную музыку» вроде рока или рэпа, я тащился от попсы.

Она и привела меня впоследствии к личной трагедии под названием «первая любовь». Но перед этим я прошел волейбол.

Глава 23. Под трибунами большого спорта

Вспомнив этот весомый кусок жизни, я в очередной раз задумался о том, какую роль в моей жизни играл и играет в спорт. Я был одним из слабаков класса и всегда больше любил читать, чем тренироваться. Но именно через спорт, через совместные занятия и вырабатывалась та самая искренняя, скрепленная совместными играми в одной команде, мужская дружба. А еще где-то там, в перерывах между матчами и состязаниями, маленькие молоточки ковали мою силу воли.

Это началось как-то само собой. Старые школьные и дворовые друзья отца стали собираться для того, чтобы поиграть в футбол. Постепенно они стали подтягивать к этому делу и сыновей, то есть нас. Попутно жены и дочери ходили в баню, в которую после напряженных и затяжных матчей направлялись и мы (уже без женщин, разумеется). Я был самым мелким и слабым, и мне было нелегко.

Потом мы сменили зал и стали играть уже в волейбол. Эта игра оказалась и вовсе диковинной. В первую же игру я проехался новыми штанами по полу и протер их. Дырка до сих пор напоминает о том славном дебюте, в котором вещизм уступил жажде победы.

Играть даже с явно превосходящими соперниками было интересно. У меня были проблемы с подачами – мяч грустно шмякался, не перелетая сетку. Я с трудом блокировал пушечные удары, несколько раз мяч въезжал в меня с такой силой, что я чуть не отлетал к противоположному краю поля. Но постепенно что-то иногда получалось.

Потом была банька. Сейчас я в баню не хожу – потому что тогда в свое время находился до упора, выгнав все шлаки на 50 лет вперед.

Глава 24. Первые раны, первые драмы...

Она не была какой-то сверхъестественной, суперкрасивой или необычной. Однако ее образ я словно постоянно носил в сердце примерно год до нашей встречи. Едва я ее увидел, мое сердце остановилось, мое сердце замерло. Она была легка, как весенний рассвет, воздушна, как французская бригантина, она несла в себе солнце, теплые дожди, а ее улыбка была лучезарна.

Я смотрел на нее и мечтал, мечтал, мечтал. У нас все было прекрасно, она была просто лучшей, мы поженились, нарожали кучу счастливых детей. У меня была любимая работа, у нее был я, и этого было достаточно, чтобы Вселенная вращалась по мановению волшебной палочки.

Я совсем не умею писать о любви, тем более любви минувшей, любви погасшей и любви затонувшей. Наверное, стоит упомянуть, что спустя полгода после того, как я впервые ее увидел, мы наконец познакомились. Два месяца общались, два раза встречались, а затем радужное лето развело нас по углам.

Мы с мамой уехали в Трускавец – мирный городок, что лежит у подножия Карпат, богат дешевой минеральной водой и настоящими украинцами. Эту девчонку я видел в своих снах, пока бегал на процедуры, горе я заливал крепкой соленой минералкой и дышал глубже, вдыхая благословенный воздух карпатских гор.

А потом увидел совсем маленькую девочку и она так напомнила мне мою первую любовь, что я стал мысленно приближать момент свидания с родиной. Я тянул состав через всю Украину, а затем ускорился на перегоне от Бреста до Минска. Я был несчастлив.

По прибытии я просто брал и уходил к дому, где она жила, сидел там часами и пребывал в непоколебимой прострации. Иногда забирался на дерево и сидел там, незамеченный и незнакомый. Это чувство (прострации), впервые зародившееся в те дни на излете кривого лета, потом часто сопровождало меня.

Однажды мы пересеклись, поговорили, но ничего хорошего из этого не вышло. Так я был в первый, но далеко не в последний раз, послан подальше. Именно эта «морская» девушка и подтолкнула меня впервые к тому, что свои чувства нужно излагать на бумаге. Что я и сделал в девятом классе, написав свой первый предельно документальный рассказ. Много лет спустя я отправил ей свой первый рассказ (о нас). Файл она так и не приняла...

А потом я узнал, что есть еще и суррогатная любовь – перед Новым 2001-ым годом мы с другом впервые попробовали пиво.

Глава 25. Восемнадцать первых глотков

Вы когда-нибудь считали, за сколько глотков можно осушить пол-литра пива? Я – никогда, хотя регулярно пью уже очень давно. Думается, если не спешить, то примерно за 18.

Я прекрасно помню свои волнительные ощущения от того, когда впервые попробовал пенный напиток. Это была «Балтика-1» и стоила она 400 денонмированных белорусских рублей. Мы с товарищем ждали, что прямо сейчас нам «ударит по голове», обрубит и Новый год мы будем встречать как герои кинофильма «Ирония судьбы». Мы пили аккуратно, подсмеиваясь друг над другом и нежно вдыхая мягкий зимний воздух (последние порции воздуха старого года). Шел мелкий мокрый снежок, истинно рождественский и даже какой-то теплый.

Незаметно пол-литра кончились у нас обоих. Никакого особенного прихода мы не ощутили. Пиво и пиво – прогорклое, легкое и бурлящее в животе. Организм отреагировал на него абсолютно спокойно. Грустные, мы разбрелись по домам встречать Новый год.

У каждого рано или поздно происходит что-то в первый раз. Одни вещи, события, люди запоминаются, другие проносятся мимо, не оставляя следов.

Пить пиво мне понравилось. После него наступала невыносимая легкость бытия, полная заторможенной реакции от гибели нейронов головного мозга. По сути, абсолютно постоянными в моей жизни оставались лишь две вещи: мой тихий малый уголок на улице вблизи метро «Пушкинская» и порция алкоголя.

Я хотел бы написать вам в стиле Чарльза Буковски: «Когда случается плохое, пьешь в попытках забыться; когда случается хорошее, пьешь, чтобы отпраздновать; когда ничего не случается, пьешь, чтобы что-нибудь случилось». Но не могу, потому что это неправда.

А потом мы, вместо того чтобы гоняться за девочками, стали бегать друг за другом с ножами. Нет, не по-настоящему, как в Америке, а в компьютерной игре Counter-Strike.

Глава 26. Клубная культура

С тем приятным фактом, что в мире есть компьютеры помощнее моего и в некоторых местах они объединены в сеть, меня познакомили одноклассники. Нам пришлось встать в воскресенье в 7 утра (по субботам мы учились) и двинуть к заводу «Горизонт». Именно там располагался клевый городской компьютерный клуб.

Возможно, первая игра мне не очень понравилась. Следовало быстро бегать, метко стрелять в своих же пацанов, а час пролетал очень быстро. За 60 минут игры мы платили вначале 800 (кажется), потом 1 000 рублей. Но впоследствии компьютерная лихорадка захлестнула почти всех нас с головой.

подавляющую часть карманных денег мы тратили на компьютерные клубы. Вскоре только в радиусе километра от моего дома их было три или четыре. Один из них располагался в тесном и душном подвале, похожем на пыточные залы КГБ, зато в 200 метрах от дома. Мониторы тогда стояли типа LT, от часа сидения за ними начинала нестерпимо болеть голова, мозг кружился и норовил выскочить. В один сумрачный выходной я играл там два часа и чуть не блеванул.

Теперь у нас не стоял вопрос, что делать после школы. Вечерний и такой душевный футбол был забыт. Не дожидаясь окончания звонка с уроков, мы мчались в компьютерный клуб «Навигатор». Там уже сидели ярые прогульщики из старших и просили денег «на часок». Местное хулиганье быстро смекнуло, что клубы надо «держат», то есть стрелять у малышни бабки или под предлогом «показать, как надо играть» занять твой столик на 5-10 минут. А ты в это время стоял и изнывал, пока пацаны из класса резались в столь любимую «контру».

Многие игроки запирались на «ночной марафон». Обычно это делалось в ночь с субботы на воскресенье или с пятницы на субботу, если уроки были несложные. Я ни разу не ходил на такое мероприятие. Но что такое «ночь контры» могу ярко себе представить. Админ заряжал таймер и сваливал домой спать, закрывая клуб на крепкие замки. Только сейчас мне стало интересно, были ли в клубах туалеты и куда ходили игроки чтобы сделать «по-большому».

Я провёл там десятки часов. Ничего хуже в моей жизни, чем нервно подрагивающая красным надпись «Осталось 5 минут», в то время не было.

Когда были куплены первые серьезные домашние компы (а кассеты с дискетами навсегда убраны на антресоли), мы тут же установили себе Counter-Strike и выставляли ботов, прокачивая уровень владения оружием и убийства виртуальных противников.

Я не жалею о том, что потратил столько времени на тупую (как казалось тогда) стрелялку. Время было такое, понимаете? Не было еще никаких локальных домашних сетей, скоростного Интернета, а тут мы орали «Вася, я тебя грохнул!» и «Кто такая m@rINC@?» и были счастливы. А со временем киберспорт и вовсе стал почти спортивной дисциплиной с солидным призовым фондом. И именно CS стала там одной из самых значимых соревновательных игр.

Постепенно клубная лихорадка спадала. Если в 10-ом классе мы еще пару раз выбирались, то к первому курсу универа были закрыты почти все клубы – пользователи провели домашние сети и теперь рубились «подъезд на подъезд», не выходя из любимой дешевой

панельной квартиры и спокойно попивая пивко (в клубах вообще-то этого не разрешали). На месте клуба в соседнем доме расположилось агентство недвижимости, клуб возле школы сменила фирма по продаже окон – в Беларусь пришел рьяный капитализм и приоритеты общества сменились.

А потом стало понятно, что детство заканчивается и нас ждут экзамены, как минимум выпускные. Но перед этим меня ждало еще одно важное известие.

Глава 27. Коррупция в квартирном футболе

Как вы уже знаете, я очень увлекался футболом и всегда ходил с парнями из класса на игры. Но в те молодые и крепкие годы мне этого казалось недостаточно. Мы с товарищем придумали оригинальное решение. Мы стали устраивать мини-чемпионаты в квартире. Делалось все очень просто. Нужен был маленький мяч – такие продавались в детских магазинчиках, да и спортивных лавках с киосками тоже. Также требовались ворота – я обычно брал ближайшую табуретку, а товарищ, например, сооружал их из съемных спинок дивана. Вначале бы играли без «вратаря», но когда стали попадать в пустые ворота 5 из 5 и довели результативность встреч до хоккейных, то задумались. В итоге мы стали ставить в ворота все, что ни попадя – в первую очередь детские рюкзаки и сумки. Иногда вратаря удавалось «пробить» (рюкзак падал внутрь ворот или просто отклонялся за линию с мячом), иногда он блокировал удар (мячик застревал в шлейках или еще чем-нибудь). Реалистичность этих «баталий» поражала.

Мы не поленились и сами, без Интернета, составили свой календарь чемпионата Италии и внесли основных игроков в каждую команду. В то время в таких газетах как «Прессбол» и «Все о футболе» также иногда публиковали полные календари европейских чемпионатов. В первый сезон я выбрал Серию А и чемпионат мира. Все аккуратненько расчертил в тетрадке и начал играть. Это было весело. По общему правилу каждой команде давалось по 5 ударов. Но если играл лидер с аутсайдером, у последнего можно было отнять один удар, а если играли крепкие середняки – накинуть по одному удару каждой. Были и штрафные, и симуляции, и красные карточки, и пенальти. Иногда меня «сбивали» кресла, иногда я цеплялся за вратаря, иногда попадал в стекло или лампу – нарушить правила квартирному футболу можно было элементарно. Чемпионат становился все увлекательнее.

Я играл не совсем честно – слегка тянул «Ювентус» к чемпионству. Накидывал ему дополнительные удары, упорно не назначал пенальти в сторону ворот Ван дер Сара. Он, конечно, тоже терял очки, но не так часто, как должен был. Зато все остальные сражались честно.

Когда приходили друзья или я ходил в гости, можно было сыграть еще интереснее – с живым вратарем и воротами. Тогда эмоции били через край, как на настоящем стадионе. Словом, к концу лета я полностью завершил чемпионат Италии, сделав «Ювентус» чемпионом, лидером по количеству побед, забитых мячей и бомбардиров. Я обмотал вокруг шеи фанатский шарф, взял старую вазу для цветов, включил на кассетнике песню *We are the champions* и устроил церемонию награждения. Помпа, с которой я ее провел, до сих пор не уступает по размаху аналогичным празднованиям в чемпионате Лихтенштейна.

Каково же было мое удивление, когда через шесть сезонов разразился крупнейший скандал в итальянском футболе, получивший название «дело Кальчополли». Тяжесть основных обвинений легла на «Ювентус» – клуб обвинили в договорных матчах, отобрали два чемпионских титула, понизили в серию В, да еще и сняли 9 очков. Как оказалось, коррупция в футболе вполне реальна и выходила далеко за пределы моей квартиры.

Глава 28. Тяжелые экзамены и легкое лето

9-ый класс был для меня довольно сложным. Примерно в то время я, неоперившийся 16-летний юнец, окончательно понял, что дорога в технари мне закрыта. Любовь к химии погубила в 8-ом классе молоденькая учительница, которую никто не слушал, а потому о формулах и прочих «молях» я имел смутное представление. За это пришлось расплачиваться в девятом классе, когда молоденькая учительница пошла на второй круг недопередачи своих знаний. Мы опять ничего не слушали, балдели и катали химию у явных отличников (я всегда был тайным).

Учителя по физике менялись с такой частотой, что мы не успевали запоминать их имен, не говоря о предмете. Физика тоже очень интересная наука, но то, как нам ее излагали – это было тихое издевательство. Ньютоны, динамометры и «правила правой руки» слились для меня в один печальный реквием и нескончаемый поток учителей. Кризис белорусского образования наметился еще в начале 2000-ых.

Математика, стройная и четкая система познания мира, внезапно рассыпалась на геометрию и алгебру. Если последнюю я еще худо-бедно понимал, испытывая трудности только тогда, когда задачи начинали явно уходить от формул и усложнялись, то геометрические линии становились для меня темным лесом все быстрее. В девятом классе пришла строгая учительница, которая не взирала на регалии и требовала знание предмета. Я ей таких знаний предоставить не мог.

На трудах мы либо слушали теоретическую часть, либо выпиливали какие-то заготовки непонятого назначения. При этом в девятом классе к нам вернулся старый трудовик, чьими работами из дерева была украшена вся школа. Я его уважал, но мои руки не испытывали пиетета перед ручной работой.

Зато в истории, ЧОГе, русском языке и литературе я был полубогом. К девятому классу история вышла на мой любимый отрезок – 20-ый век и тут я был неповторим. Я сыпал датами, фактами, измышлениями (а ведь об Интернете мы тогда имели только теоретическое представление).

Еще мне по-прежнему нравилось гонять с пацанами в футбол. Борьба к тому времени была забыта. Физрук криво усмехался, глядя на мою справку «подготовительная группа». Это была очень удобная справка: никакие нормативы я не сдавал и отметок не получал, в конце четверти мне ставили «зачет». Это не мешало мне регулярно участвовать в межклассовом сражении на поле, но иногда вынуждало ходить на лечебную физкультуру при школе. Правда, занятия по ней обычно вели ТАКИЕ практикантки, что я ничуть не жалел. Словом, со спортом я дружил всегда, несмотря на телесную и местами душевную эктоморфию.

Девятый класс проходил в некотором напряге. Мы все знали, что дальнейший выбор судьбы и профессии вершится именно сейчас. Многим троечникам прямо намекали, что их не хотят больше видеть в школе. Нас, «нормалистов», ждали с распростертыми объятиями. Учительница истории ждала меня в общественно-правовом классе.

Ребята начали сдавать экзамен по физкультуре. Глядя в окно, как они корячатся на разогретом майским солнцем стадионе, я грустно думал, что вот и пришла пора расставаться.

К нам пришел мужик с камерой и объявил, что мы можем почувствовать себя начинающими кинозвездами в роли выпускников. Меня он прозвал «сталкером», потому что именно в конце девятилетнего обучения дернул меня черт постричься налысо.

Я ляпнул на камеру, что хочу пойти в милицию. Тогда я слабо понимал, что всякий милиционер – это юрист, но не всякий юрист обязательно милиционер. В те яркие и солнечные годы я был еще порядочным болваном.

Начались экзамены посложнее. Решебник по математике я пронес, спрятав под брюками. Потом вышел «в туалет» нашел решения, выдрал их из книги, а ее забросил в кусты. Как там кто выкручивался – не знаю. Я вообще сел один на заднюю парту и все подчистую скатал. Не пойман не вор – свою четверку я получил.

Русица диктовала изложение. Мы с другом полностью записали текст, фиксируя предложения поочередно. Потом я расставил запятые (как умел конечно, я до сих пор не умею) и текст оказался готов. Она подсказывала нам, делая на месте запятых легкие взмахи рукой.

«Белорусский экзамен» прошел примерно так же, а билеты по истории мы заранее разложили с учителем так, как они будут лежать на экзамене и тянули потом те же. Я на всякий случай выучил все, кроме того я и так неплохо знал историю синеокой. Вытянул я «отрепетированный» билет и с блеском его преподнес.

Подбежав к школе узнать результаты, которые расклеивали на стекле у входа, мы с другом радостно заржали. Лето наконец-то почти началось.

Глава 29. Сборная Италии по футболу вылетает с чемпионата мира

В 2002 году я кое-как начал смотреть чемпионат мира по футболу. Хотя, заняться нам и без того было чем. Я с лучшим другом открыл для себя короткие вылазки на Минское море. Мы умудрялись искупаться, пожарить сало и просохнуть. Пиво не пили принципиально – было и так хорошо и весело.

В те годы столица жила совсем другой жизнью. Развлечений было мало, народ тянулся к отдыху попроще. В частности, городской пляж в июне был забит до предела.

Летом всегда было хорошо. Можно было ездить на велике, торчать в компе и гулять, гулять, гулять. Лысина моя плавно зарастала и гулять стало спокойнее. Итальянская сборная благополучно вылетела с чемпионата мира по футболу, несмотря на флюиды, которые я слал на японо-корейские стадионы. Дождей в то лето было немного. А может, это память надежно отсекала все самое плохое, оставив на воспоминаниях нежно-розовый налет.

С большей частью одноклассников мы распрощались. С некоторыми навсегда. Это было первое мое серьезное прощание с людьми, с которыми ты провел девять лет. Кого-то я потом встречал в районе школы, с некоторыми дружу до сих пор, будучи уверенным, что ничто так не сближало как совместная охота за майскими жуками, списывания и игровые приставки.

А потом мы снова пошли в школу.

Глава 30. О школе в целом

Если говорить о школьных годах, то это было самое веселое, необычное и волнующее время. Я влюблялся искренне, до потери координации, а шалил так, будто жил в казачьей вольнице. Но никогда, никогда я не назову это время легким.

На наши хрупкие умы вываливали тонны ненужной информации. Учительница по биологии (впоследствии она получит звание «Заслуженный учитель Республики Беларусь») говорила прямо: «Биологами вы все, конечно, не станете, но мой предмет знать будете». Она оказалась права два раза – мы точно не стали биологами (скорее, простейшими организмами) и выхватывали из ее предмета самые сочные и настолько же лично для меня бесполезные куски. Меня интересовали только майские жуки, ну и чуть-чуть генетика.

Я не знал, кем хочу быть – водителем троллейбуса, милиционером или футболистом. Ни одно из школьных занятий прямо не учило меня ни одной из этих специальностей. Я был хорош в истории и русском языке, временами и в литературе, но совершенно не понимал, как мне это может пригодиться в будущем. Поколение перестройки еще не знало таких слов, как «логист», «копирайтер», «блогер», «фотограф на свадьбу», но было знакомо с понятиями «юрист», «экономист» и «бригада». Вместо технологий мирного, а главное легального отжима бизнеса нам рассказывали про бесконечность функции в пространстве!

Все вокруг менялось. Реформы касались языка и системы образования. Мы учились то по пять, то по шесть дней. То потом год не учились по субботам, зато учились до 14 июня. Эксперименты. В нашей стране любят ставить эксперименты, особенно если материал податливый. Что-то вроде людей, например.

Делать на улице было особо нечего. Тогда не было даже такой моды как сейчас – тусоваться в торговых центрах со смузи или вести блоги. Компьютеры только-только появлялись, приставки были несовершенны. Мы тусили в компьютерных клубах, гоняли в футбол весной до темноты и первых алкашей. Лично я много читал. Любил посидеть в тишине с книжкой. Потом звонил какой-нибудь друг и мы начинали болтать.

Именно таким бесполезным летом я взял и написал в тетрадочку историю моей первой любви. Чувствовал, что надо задокументировать – художественная ценность-то этого опуса почти равна нулю, поэтому он носит исключительно приватный характер. Потом часто перечитывал его, перепечатал в Word, исправил, дополнил. Зачитал одному из друзей, который знал эту девушку, и он очень похвалил рассказ. И все равно не понял намеков на то, чем мне нужно заниматься в жизни.

Потом мне подсунули Стивена Кинга. Записки «короля ужасов» значительно отличались от того, что я читал в то время. А. Гайдар, А. Конан-Дойль, «Тайны непознанного» и прочее мигом куда-то отступило. Это была какая-то новая и необычная *литература*. С тех пор Кинга я уважаю безмерно. В основном за язык и идеи, читал далеко не все, но то, что прочел, очень нравилось. Мастер.

Сел и написал еще один рассказ. Кровавый, с убийством. Почти никогда его не перечитывал. Потом еще какие-то сопли. Родители читали, а я не перечитывал. Так я искал свой *стиль*. Ищу до сих пор.

Да, друзья, основы литературной деятельности были заложены там, в школе. Либо ты, мать его, начинаешь писать, либо дуешь на журфак. Я просто начал писать. Впоследствии мне иногда не нравилось то, что выходило из-под пера, но чаще все же нравилось. Это крутое ощущение, мало с чем сравнимое. Я начал читать еще больше.

Была и самодельная газета на листе А4. Называлась «Новая газета» – в начале века модно было делать все «новым» и «ярким». Потом появился пиратский фотошоп и одной из первых опробованных на нем фишек была сверстанная «газета» про нашу школу. Думаю, она где-то и сейчас есть, надо бы найти. Словом, приветы от подсознания были. Журналиста в себе в далеком 2003-ем году я не увидел. Равно как и никто вокруг.

А потом пришла пора идти на подготовительные курсы по математике.

Глава 31. Когда идешь неверным курсом

Репетитор и подготовительные курсы сделали все, на что были способны. Нам вдалбливали в течение полугода то, что должны были вдолбить за предыдущие 11 лет. Уяснил я мало и когда выводил наугад дрожащей рукой крестики на вступительном тестировании, понимал – это конец. После этого – только в водители троллейбуса, в вонючую квартиру в пятиэтажке к толстой жене и сопливым детям.

А потом я собрал все свои убогие сертификаты и отнес их на платное отделение ГИУСТ БГУ. Институту нужны были деньги, а мне – знания. Наши интересы совпали и так стало известно, что я поступил. А значит 1-го сентября меня ждали в роли начинающего юриста – вершителя судеб и заслона на пути беззакония.

Никакого ощущения, что я что-то делаю не так, не было. Я был рад, взволнован новой жизнью, знакомством с профессорами. Казалось, в универе все будет по-другому. Загрузка никчемных знаний прекратится и можно будет сосредоточиться на главном. На овладении будущей профессии, о которой я имел представление в основном по американским сериалам. Примерно также студенты-медики видят себя на будущей работе в стиле «Интернов». И все мы очень быстро понимаем, как же жестоко ошибаемся. Что даже первый курс показывает взрослую реальность без прикрас и возможности убежать поплакаться к маме.

Весь ужас происходящего снизошел на меня после ста лекций по праву.

Глава 32. Призрак полуночных трасс

На первом курсе меня охватила жажда тюнинга автомобилей. Я листал красивые иллюстрированные журналы и буквально впитывал мощь прокачанных тачек с движками мощностью 500 л.с. и более. Машины были красивы, дороги и недосыгаемы.

Для того чтобы организовать свой собственный тюнинг автомобиля, требовалось для начала получить права. К тому времени наша семья имела в распоряжении недооцененный потребителями испанский хэтчбек с запчастями от «Фольксвагена». Медкомиссия назначила мне езду в очках и так я все-таки стал «очкариком», но зато тут же записался на курсы.

Теоретическая часть вождения и правил дорожного движения была проста и понятна: тут это, сюда повернуть, это включить, там посмотреть. На деле все оказалось гораздо сложнее – не помогли ни папины, ни дедушкины гены.

Водить я не мог. Особенно под присмотром уставшего мужика, который бросал наши «Жигули» в повороты и перестроения так лихо, будто до сих считал себя участником «Ралли-СССР 1985 г.» Я понял, что подобное мне удастся только с велосипедом и, может быть, удастся с мотоциклом.

Важной подпиткой этого увлечения служили фильмы серии «Форсаж» и «Такси». Вокруг них вращалась вся эта индустрия. Фильмы мне нравились, но оказалось, что водить реальную машину сложнее, чем управлять её компьютерной симуляцией. Что-то я слишком нервничал в моменты вождения и за три месяца побороть волнение не смог. Боялся всего – пешеходов, машин в соседних полосах, ГАИ. Я вдруг столкнулся с тем, что кое-что в жизни у меня не получается и в который раз предпочел отступить. Это не самая хорошая черта характера, оно потом негативно отразилось и на личной жизни.

Я несколько раз порывался все-таки добить права, а потом мне стало наплевать. Равно как и на дорогие тачки. С тех пор я люблю только Lamborghini.

Глава 33. Типичный представитель потерянного поколения

Этот день я помню, как сейчас. Стояло лето, томный вечер призывно заглядывал в окна, приглашая на прогулку. Что удивительно, в тот вечер я ничего не писал, никуда не пошел и скучал, слоняясь мимо домашней библиотеки. Брал то одну книгу, то другую. Раскрывал, читал пару строк и ставил обратно. Глаза резали красные обложки зачитанного до дыр Аркадия Гайдара, маячил неверной позолотой «Идиот» и одиноко жались «Повести о любви». Мне хотелось чего-то о любви, но я не знал, кто из авторов стоящих на полке книг писал о ней.

Эта книга выглядела потертой. Светло-сиреневый переплет, стертые буквы. «Жизнь взаимы» и «Тени в раю». Я пожал плечами, почему бы и нет? Лег на кровать, включил лампу и открыл первые страницы...

Повесть «Жизнь взаимы» Эриха Марии Ремарка перевернула всю мою жизнь. Я проглотил ее залпом, потом так же быстро расправился с «Тенями в раю». То, что происходило в дальнейшем в моей жизни, прошло под вечным рефреном «потерянного поколения».

Доставая «Трех товарищей» – третью (вот совпадение!) книгу Ремарка, которую я прочел, я и словосочетания-то такого не знал. Мне было 19 лет и я хотел любви. Ремарк раскрыл мне глаза на то, какой бывает любовь и какой бывает философия. Я словно бросился в долгожданные воды прохладного океана. Я навсегда вошел в мрачный сонм «потерянных», но, как и герои Ремарка, относился к этому с цинизмом и бесконечным юмором.

Я проделал весь этот долгий путь. Потом были Хемингуэй, Ирвин Шоу, Бёлль, Олдингтон. Я мысленно пил мохито на островах, чувствовал себя ненужным продюсером в Ницце, запутавшимся клоуном и успешным, но несчастливым обитателем одновременно. Я понял, что все предыдущие годы читал бессистемно. Гайдаровская жажда революции и повести Льва Кассиля были забыты. После Ремарка, Хэма и Шоу беллетристика и повести о любви для меня умерли. И сейчас, спустя 10 лет я не смог прочесть ничего лучше. Просто не нашел.

Подтянутым и немым монолитом, напоминающем о моей судьбе, стал «Черный обелиск». От горячих слов «Фиесты» мне становится легче. А завершается это буйство разума невероятным оптимизмом «Вечера в Византии». Равно как мир, по мнению древних, покоится на трех черепахах, так эти три произведения нервной канонадой каждый день стучат в моем сердце и несут мое сознание к дальним вымышленным странам.

С тех пор я окончательно стал мечтать о собственной книге.

Глава 34. Повисший на мобиле

В те годы мы, молодые студенты, усиленно «сидели» в мобилниках. Именно тогда, в 2004-2005 гг. стали доступными модели с цветными экранами, полифонией и mp3, а также средненькими фотокамерами. Мы осматривали девайсы друг друга, ковырялись в настройках и играли в игры. Без лишней скромности заявлю, что на тот момент у меня был один из самых продвинутых мобильных телефонов за разумные деньги – Sony Ericsson T610. Это был очень надежный и мощный аппарат.

Тогда же я познакомился с некоторыми интересными функциями, а точнее СМС-сервисами. Через них можно было знакомиться с девушками и узнавать их телефоны. Вот только тариф у меня был не самый лучший – 300 рублей за минуту, что составляло примерно 15 центов по тому курсу. Каждый разговор выливался в небольшой золотой слиток. Поэтому я просил девушек перезванивать. Теперь хотя бы о потраченных деньгах не жалею, только о времени.

С некоторыми подругами я зависал в беседе на час, а то и больше. Часы складывались в дни, а дни – в недели. Да, через некоторое время пользования телефоном, счетчик показал, что в разговорах я провел неделю. Вы представляете – 168 часов жизни было потрачено впустую! Но это было только началом.

За эти годы мир стремительно изменился. Дешевенькие аппараты уступили места унифицированным творениям Стива Джобса и остальных. Люди повисли в мобильных девайсах окончательно. Виртуальный мир довольно быстро заменил реальный и теперь каждый царь и бог на своей страничке в соцсети, фотограф, поставщик контента, блогер или просто мобильный геймер. Нам все-таки мобилники служили для связи с реальностью, а не ее суррогатом. Это были удобные девайсы, а не развлекательные центры. Они экономили время и сокращали пространство.

Всегда больше всего жалко времени. Особенно так бездарно разбазаренного.

Глава 35. Параллельно с девушками мы знакомимся с прекрасными ребятами – Джинном и Тоником

Наверное, нет ничего необычного в том, что девятнадцатилетние парни решили провести один прекрасный весенний день в компании новых друзей. В их роли выступил странный напиток, который изготавливает Минский завод безалкогольных напитков под названием «Джин-тоник со вкусом яблока».

Это был не просто какой-то новый алкогольный напиток. Это было Откровение. Выпив в первую субботу знакомства по литру, мы вышли к Свислочи и охренели. Вся набережная в центре столицы была усеяна людьми. Каждый элемент парапета был превращен в барный столик, за которым стояли по двое, трое, всемером, вдесятером. Народ радостно пил. Ленивый патруль краем глаза взирал на это безобразие, подходя только к очень «опьяненным весной» патриотам отечественной продукции.

Мы сделали страшное открытие – народ дико жаждал быстрого отращения от проблем. Полулитровые бутылки высаживались быстрее, чем мы успевали пройти триста метров. Все это заедалось сушеной рыбой и глутаматом натрия в виде чипсов и сухариков.

И мы незаметно стали частью этого пиршества. Теперь неделя для меня делилась четко – от субботы до субботы. В понедельник я уже мечтал о том, как в три часа субботнего дня прикоснусь губами к возделенному горлышку и беспросветная амброзия хлынет в мой многострадальный желудок, высаживая печень, заставляя страдать почки и испытывая кислородным голоданием мозг.

Тут я хотел бы написать в стиле Хантера С. Томпсона: «Но именно в эти редкие часы мне было хорошо. Без всяких «если», без всяких тупых оговорок или размышлений. Бурная река моих мыслей сворачивала в сторону и меня посещали самые лучшие идеи и концепты».

Глава 36. Вассалы юриспруденции

Выбранная мною специальность была первой из двух древнейших профессий, с которыми мне пришлось познакомиться. Эй, под второй я имел в виду журналистику, а не то, что вы подумали!

Многочисленные своды законов, сборники правовых норм и прочая разовая лабуда воспринималась мною легко. У правовой системы есть четкая и по-своему красивая структура. Наверху гордо сияет конституция, затем идут кодексы и так далее, вплоть до локальных актов заводов и предприятий.

Теоретическая часть права поражала продуманностью, согласованностью различных частей и прочими элементами упорядоченной системы. Но уже на первом курсе я вдруг понял, что наряду с нужными предметами нам продолжают преподавать лишнюю и забивающую мозг ботву вроде культурологии и религиоведения. Мотивировалось это, конечно, необходимостью дать нам общеуниверситетское образование. А оно подразумевало прочие общегуманитарные дисциплины.

Еще я понял, что не все в универ пришли учиться. Что наряду с теми, кто как я, получал знания, были и те, кто просто расценивал годы университетские как возможность для тусовок, клубов, алкоголя и девочек. Я тоже иногда мог прогулять пары или сделать что-то в стиле нашей «золотой молодежи», но в первую очередь мне важнее было получать знания и быть готовым потом самостоятельно найти работу.

На втором курсе к нам перебросили ребят с закрытого факультета правоведения в ИСЗ. Там, наряду с умными и хорошими ребятами, творился просто тихий ужас. Детки бизнесменов, катавшие на бывших родительских тачках, но при этом едва умеющие связать слова в предложения были не самым худшим. Мы сдавали часть экзаменов по микронаушникам (я всегда учил предметы, кроме совсем явных автоматов) гоняли в бильярд и ходили на общеинститутские дискотеки. Девушки были открыты и дружелюбны, однажды я со случайной знакомой читал повесть Эдуарда Тополя всю пару. Был очень близок к невероятной влюбленности, но уже тогда желание карьерного роста преобладало. Некоторые преподаватели представлялись мне теми самыми недостижимыми адвокатами из американских фильмов.

Весело в универе было как нем самом, так и на периферии. Это когда мы ходили на пивас с одногруппниками и друзьями, ржали над пересдачами (у меня была всего одна) и мечтали как пойдём на работу.

А потом стало как-то пофиг.

Глава 37. Вечный трип

Это были блаженные времена для экономики страны. Беларусь была таким «европейским тигром» за счет заоблачной цены на нефть и ее льготных поставок из России. За 10 000 рублей можно было неплохо погулять, если правильно подобрать смесь из коктейлей. Мы не работали, но кое-какая мелочь у нас всегда водилась. Скинувшись, мы получали приличные суммы. На них покупалось местное пиво и сухарики или чипсы. И всем всего хватало.

Стив Джобс уже втихаря держал в руках устройство, которое перевернет мир. А мы знали одно – нам по 20 лет и вся жизнь лежала перед нами безбрежным океаном в котором мы сами могли прокладывать курс. Мы уходили в закат каждую субботу. Набережная Свислочи была особым миром, а бесконечной барной стойкой нам служила сама дорога. Мы просто гуляли, периодически поднося ко рту легкие бутылки, и были счастливы.

Это полусонное ощущение вечного трипа не покидало меня и годы спустя. Мне казалось, что я всю жизнь куда-то иду, под легким хмельком. Я шагаю, а солнце светит мне в лицо или в затылок, в зависимости от времени года.

Наверное, единицы людей в мире отдыхали так, как мы – в дороге. В вечном трипе. Больше было принято засесть в подъезде, на природе или кафе и там нарезать до одурения. Мы тоже иногда так делали, но нам больше нравилось гулять. Мы наворачивали такие круги, что я потом с грустью смотрел на карту, жалея, что трип закончился одновременно с запретом на распитие пива в общественных местах.

Это было славное время непродуманных экспериментов с количеством алкоголя и его составами. Я безбожно превышал свою безопасную дозу и временами нагло мешал несовместимые напитки. Организм отвечал мне симптомами лучевой болезни, хотя я находился в многих сотнях километров от ближайшей атомной станции.

Чем меня только не откачивали сердобольные «помощники»! Меня поили кофе, водой, добавляли еще алкоголя, укладывали спать, выводили на свежий воздух, увещевали и отвлекали разговорами. Последнее, кстати, оказывалось самым действенным.

Вычислить безопасный алгоритм опьянения мне никогда не удавалось. Однажды я выпил три рюмки водки и запил таким же количеством вина. И все было хорошо, я даже целовался с одной из самых красивых девушек в жизни. В другой раз я выпил немного вина и запил его тремя рюмками водки. Очнулся я в такси возле дома, когда южнорусский водитель кричал: «Где тут останавливать-то?».

В своей жизни я совершил 29 с половиной серьезных ошибок. И не устану повторять, что самой главной из них было желание работать юристом, а вовсе не желание сделать из субботы «пустой день».

Мы были в движении, как и сама жизнь, мы не останавливались подобно ей. Ребята, это было круто!

И скоро на фоне развития Интернета мы с другом подсели на сериалы.

Глава 38. А в следующей серии вы узнаете...

Наличие компьютерных сетей и дешевого Интернета постепенно делали свое дело – нам открылся доступ к многочисленной медиапродукции производства США. Первыми ласточками были выпуски «Тачки на прокачку» и мультсериал о похождениях Губки Боба. Я переписывал часть из них на диски, а иногда и на флешку и смотрел дома.

Затем настало время забавных сериалов «Клиника», «Клава, давай!» и прочей продукции, транслировавшейся по MTV. Летом мы собирались на сериалы и смотрели по несколько серий за раз. Это была вторая волна увлечения подобной кинопродукцией, первую я пережил в детстве, когда смотрел «Элен и ребята», частично «Санту-Барбару», «Воздушную полицию», «Секретные материалы», «Пси-фактор», «Простые истины», «О.Б.Ж.», «Убойную силу», «Улицы разбитых фонарей» и еще кучу всего, половину из чего и не помню. Расплатой за безумное прожигание времени стало то, что теперь я их стараюсь не смотреть вообще – жалко времени и сил.

Это еще один типичный штришок, демонстрирующий характерную особенность нашего поколения 90-ых. Редко кому удавалось избежать «сериальной мании». Просто все смотрели разные киноэпопеи. Кому-то нравились российские «Спецназ» и «Конвой PQ-17» с «Не родись красивой», другие залипали на «Южном парке» и «Симпсонах». Но сериалы рано или поздно, часто или редко смотрели все. А кто говорит, что не смотрел, тот просто врет. Взять хотя бы «Семнадцать мгновений весны».

Сейчас на смену всему этому пришли Netflix и HBO с их бесконечными «Играми престолов» и прочей безудержной в своей продолжительности и затянутости мути. Мы же предпочитали сериалы веселые и ржачные, имевшие рано или поздно конец. Теперь сериальный бред поставлен тем же ТНТ на поток. Как у них поставлен «Дом-2», Comedy Club, «Интерны», «СашаТаня» и прочее.

Плюс ко всему, параллельно я все-таки частично ушел в виртуальную реальность.

Глава 39. Чатлане – пришельцы новой эры

Где-то по окончании первого курса мы сами провели по дому сеть, подключили Интернет, а я подсел на чаты. Я зарегистрился на ныне успешно погребенном в электронном цифровом вихре chat.by и установил IRC-клиент mIRCa. Эти штуки жрали минимум трафика, зато открыли двери к новому стилю общения – виртуальному.

Нет, с существованием чатов и возможностью похулиганить в них я был знаком и раньше – еще в 2004 году мы лазили в «беседки», а пару раз я даже брал у друга модем на ночь и сидел на сервисах знакомств. Но вторая волна чатов накрыла меня именно в 2006-2007 гг.

Вы знаете, у этой формы общения обнаружились неожиданные преимущества. Во-первых, я научился быстро печатать (невозможно научиться печатать, не практикуясь). Во-вторых, можно было долгое время скрывать свой возраст и прочие данные либо маскировать их, притворяясь другим человеком. В-третьих, по стилю и скорости ответов частично можно было нарисовать портрет виртуальной собеседницы. Печатала быстро, много смайликов, активно спрашивает – ты ей интересен. Отвечает редко, односложно, с ошибками – переписывается с кем-то еще, ты ей не особо интересен. В-четвертых, при возникновении симпатии можно было обменяться фотками и встретиться. Вот тут-то и вскрылся главный недостаток невидимого общения.

Чаты однозначно являлись убежищем интровертов. Вытащить интроверта из-под уютного пледика, кофейка и котейки можно было с большим трудом. Если он приходил – это была колоссальная победа, значит, девушке ты действительно был небезразличен. Дальше приходило прозрение. В жизни кто-то выглядел хуже, пальто могло сидеть косоуго, а голос оказаться прокуренным или, напротив, сильно искаженным телефонным микрофоном в лучшую сторону. Короче, двум активным чатланам внезапно оказывалось не о чем поговорить в реальном мире.

Мне удалось вытащить на прогулку всего пару девушек. С остальными в лучшем случае созванивался, тратя, безбожно сжигая в пустом трепе лучшие годы жизни. По самым примерным подсчетам в этих чатах я провел столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы доехать до Луны на электричке. «Эпоха чатов» стала самым бесполезным временем в жизни, хотя и подарила пару скилов. В дальнейшем я выходил в чат максимум два раза в год. Потом появились соцсети, а первый белорусский чат и вовсе закрылся, как и очень многие другие. «Мирка» стала и вовсе убежищем гиков.

Но это будет потом, а пока...

Глава 40. Баллотуемся в Comedy Club

Примерно в 2005-ом году благодаря компьютерным сетям мы узнали о новом феномене мира юмора – команде Comedy Club. Юмор для меня всегда был надежным слугой, но плохим хозяином. Дар пародиста я открыл еще в школе, когда наблюдал за одним известным очкастым супругом легендарной певицы. Затем попробовал сам скопировать двух первых российских президентов и вечно что-то орущего про Америку и сволочей сына юриста. Потом были и другие персонажи – всех я имитировал довольно похоже на оригинал (по словам слушателей).

Так вот, КВН и прочие «Аншлаги» мне никогда не нравились. Равно как и предложение войти в университетскую команду юмористов. Я предпочитал шутить самостоятельно. Хорошо получалось не всегда, но ко второму курсу университета однозначно стало получаться лучше. А тут как раз появились ролики Comedy Club.

Парни шутили про сиськи, жопы, наркоманов и геев. Не могу сказать, что их юмор и в те годы блистал мегаостроумием, просто альтернатив не было. А они шутили отвязно, смело, много кривлялись и однозначно обладали некоторой харизмой. Словом, мы с одним другом начали смотреть выпуск за выпуском и с нетерпением ожидать каждую новую серию. Первые выпуски я переписывал на диски, из других вырезал сценки и некоторые из них до сих пор хранятся на блестящих компакт-кружках.

Особенно мне нравились там несколько ребят (но в этой книге единственное правило – никаких имен) – тот, с собачьей кличкой, наш соотечественник и мачо, больше похожий на бабуина. Мы стали им подражать, временами пользовались тем, что широкие массы еще ничего не знали про СС. А потом летом я услышал, что в Беларуси будет проводиться кастинг белорусской команды Comedy.

Мой друг-юморист в это время отдыхал на Нарочи и приехать на единственный день кастинга никак не мог. Я же не преминул записаться и в назначенный день явился во Дворец республики.

Ох, ну что вам сказать? Сегодня, когда вокруг такое обилие всевозможных кастингов и проектов про танцы на льду с дельфинами и экстрасенсами, я, разумеется, мягко игнорирую все отборы. Я уважаю себе за то, что не испугался какой-никакой сцены и вышел перед жюри, под камеры и свет софитов. Дальнейшие 1,5-2 минуты моего выступления можно опустить – это было быстро, возможно, не смешно и вообще не зажигательно. Кастинг я покинул очень быстро и, как видите, звездой сцены не стал, зато пишу мемуары.

Мой друг скоро вернулся и, что самое забавное, буквально через месяц был объявлен повторный кастинг и он тоже туда ходил. Рассмешить гуру юмороиндустрии ему тоже не удалось и он покинул проект через 2 минуты. С той поры мы решили снимать угарные видео самостоятельно и, надо сказать, собрали уникальную подборку, которая дорога нашему сердцу и напоминает о тех веселых годах и периоде увлечения Comedy Club.

Кстати, белорусский Comedy Club «Minsk Style» – сборище слащавых мальчиков, не обладающих ни харизмой, ни даром пародиста – еле-еле просуществовал 2 года, закрывшись и разогнав всю команду. Несмотря на заверения пиар-менеджеров о том, какую мощную школу

прошли наши шутники и как прекрасно они выступали в отечественном КВН. А в российском шутят уже более 13 лет...

Глава 41. «Настанет день и журавлиной стаей...»

Первая смерть близкого человека произошла, когда мне было 20 лет. Возраст достаточный для того, чтобы мужественно перенести потерю... А, впрочем, нет – никогда не бывает «достаточного» возраста, чтобы безболезненно выносить чью-то смерть.

Родителей отца я почти не помню – слишком мало лет мне тогда было, память к 30 годам не сохранила ничего. А вот дедушку и бабушку по материнской линии я знал с малых лет. Дедушка мой был настоящим героем. Пользуясь тем, что на фронт брали не особо разбираясь, он записался в действующую армию и оказался на передовой немного раньше, чем полагалось.

Дед прошел всю войну и встретил победу в Германии. Он был немногословен, но всегда очень добр ко мне. В детстве, когда мы жили с ним и бабушкой, мы проводили вместе довольно много времени, играли. У меня сохранились душевные фото, где дедушка показывает мне львенка, а я по традиции пускаю испуганную слезу. Таким я и помню его – в пиджаке с планками, пестрыми от медальных лент.

В начале девяностых дала знать о себе старая рана и у деда отняли ногу. Но он продолжал заниматься легкой гимнастикой по утрам, поднимая рукой небольшой камень и часто выходил гулять. Для меня он тоже был примером в спорте и отношении к жизни. Когда я приезжал к ним в Малиновку во время школьных каникул, мы часто играли в карты и читали (дед еще в школе советовал мне Ремарка). Постепенно, видя, как много он читает, я тоже просматривал газеты и как-то машинально выбирал интересные и не очень статьи, отмечал заголовки и фото.

Дедушка уверенно водил «Запорожец», исправно служивший всей нашей семье с 1974-го по 2004-й гг. Когда-то он работал на гигантских «МАЗах» с прицепами, которые возили панели для будущих многоэтажек. Я любил сидеть на диване и перебирать ордена и медали деда, среди которых были и значки «Лучшему водителю». О войне дед рассказывал мало и неохотно (теперь-то я понимаю почему). Для меня он всегда оставался и остается примером мужества и негибкости...

Последствия инсульта не проходят бесследно. Так случилось, что в 2006-ом году, 13 лет назад, дедушки не стало. Я плакал навзрыд, прощаться с ним было очень тяжело. А медали аккуратно хранятся у меня в ящике стола, как вечная память по моему дедушке, который так любил песню Марка Бернеса «Журавли»...

Глава 42. Я к вам пишу, чего же боле

Где-то на фоне увлечения Ремарком и вообще, наверное, в то время я пережил гормональный всплеск, я засел за стихи. Написал один-другой. Потом как-то за вечер, на фоне влюбленности в одну «недосягаемую» подругу, я разродился пятью стихами за раз. Не думаю, что Блок или Есенин в мои годы могли так. Впрочем, тут надо сделать небольшую оговорку – их стихи знают, мои же (периода с 2004 по 2008) не прочтет уже никто и никогда.

Я продолжал писать. Лучшего дурмана, чем от стихов, я не испытывал почти никогда. Литературный оргазм – это про стихи. Те четверостишья, которым наплевать на размеры, слоги, временами и на рифму. Строчки, словно наркотический дымок, возникали в моей голове и складывались в карамельные фразы, розовыми единорогами они падали на бумагу, в мой заветный старый блокнот с пожелтевшими листьями.

За несколько лет моя коллекция выросла до 100 стихотворений. Я открывал «раннее», перечитывал «зрелого периода» и небрежно пролистывал «позднее». А потом однажды, после удачно сданной сессии, раскрыл блокнот на середине и начал выдергивать оттуда листочки, медленно разрывая их на части. Я собрал аккуратные остатки сотни стихов, которые никто и никогда больше не прочитает, и выбросил в урну. Хотел сжечь, но подумал – еще вызову пожар ненароком. Глупо сгореть из-за сотни стихов, не находите?

Жалею ли я об этом сейчас? Вот подумал про «горку осколков влюбленности» и что-то взгрустнулось. Интересно было бы почитать, я ведь на память свои стихи не помню и тем более не заучивал никогда. И вообще вначале верил в золотую аксиому любого поэта – девушки приходят и уходят, а посвященные им стихи остаются. Утешаю себя мыслью, что их литературная ценность была равна нулю.

Часть стихов уцелела в компьютере. Ей суждено будет дожить до второй волны стихоплетства – саркастических, циничных, а временами опять-таки романтических стихов, которые я публиковал ВКонтакте с 2009 по 2014 год. Все они сохранены и возможно будут когда-нибудь опубликованы. Не скажу, что их литературная ценность стало просто заоблачной по сравнению с рифмами середины 2000-х, но почему-то «вконтактовский» цикл мне захотелось сохранить.

Уже пять лет я не пишу стихов вообще. И вряд ли смогу когда-либо написать что-нибудь подобное тем жалким попыткам. «Дымок» в голове, который складывался в слова, пропал. Его заменил стальной слог уникальной прозы, который работает 16 часов в сутки.

Глава 43. Мы окончательно выходим на Свислочь

Об учебе писать неинтересно, равно как и вам читать о ней. Лучше опять расскажу о том, как мы отдыхали. Хотя и здесь слишком о многом рассказывать нельзя. С некоторых пор наш маршрут неизменно пролегал через центральную городскую часть родной вялотекущей реки. Мы знакомились с девушками прямо на улице, в магазинах и скверах. Посылали с ходу нас крайне редко. Удачные подходы оканчивались новой записью в телефонной книге мобилы.

Мы отработывали коммуникативные навыки и учились общаться по-новому. К тому времени я уже прочитал пару книг по НЛП, пикапу и прочей лабуде, но понял, что лучше собственной харизмы и юморного экспромта, порожденного парами алкоголя, ничего не бывает. Девушкам мы либо нравились, либо нет, здесь все было просто. Это было похоже на мгновенную лотерею.

В те «относительные» годы можно было относительно все. Пить пиво на улицах, слушать любую музыку, главное было не влезать в политику. Цены были низкими, и нам по-прежнему удавалось нарезать, но уже за 12 000 рублей.

Правда, в то же время я познакомился с одной неприятной штукой. Она называлась «похмелье» и иногда казалось, что ей нет конца.

Опытным путем мы пришли к простой формуле – если мучаешься от нехватки жидкости с утра, значит, надо запастись ею с вечера. Поэтому в конце тусовки мы покупали минералку и наполняли ею желудки. Это спасало от головной боли поутру.

И вдруг я опять полюбил спорт.

Глава 44. Качка из меня не вышло, пришлось стать турникменом

В 2007-ом году заниматься спортом было еще не так модно, как сейчас, в 2019-ом. Нет, мы с одноклассниками регулярно играли в футбол на физкультуре и выезжали поиграть в бильярд (это не спорт, говорите? Может быть). Но вдруг как-то неожиданно меня пробило на фитнес.

Я купил пару трехкилограммовых гантелей и начал отжиматься. Сейчас, регулярно, хотя и с перерывами, занимаясь вот уже 12 лет, я скажу вам так: самое трудное – начать. Когда мои ручки подкашивались от десятка отжиманий, а на одной ноге я не мог присесть ни разу – я ненавидел себя. В дальнейшем каждое занятие стало вызовом и маленькой победой – над собой и своей ленью. Это в спорте самое трудное – превзойти себя.

Я включал кинофильмы про Рокки Бальбоа для вдохновения и учился правильно отжиматься. Я раз за разом прокручивал сцены, где он тренируется, пытаюсь победить Ивана Драго. Я бегал зимой, купил упаковку дешевого белорусского четвертьпротеина (это когда белка в составе 25% от общей массы вещества) и морщась пил его.

Я скачивал по одному треки для создания «мотивирующего музыкального диска» (он работает до сих пор). Мне не нужны были картиночки из «ВКонтакте» для мотивации, я просто хотел победить себя. Я набрал пару килограммов, стал отжиматься по 50 раз за один подход и наконец смог присесть на одной ноге.

Скоро я шпынял трехкилограммовые гантели как перышки и понял, что нужно нечто потяжелее. Так были куплены сборные гантели по 7 кг. Занятия вышли на новый уровень и с приобретением велосипеда. Теперь я мог, как настоящий тяж, чередовать силовые и кардио-онагрузки. Началось золотое время моих достижений. Пика тренировок я достиг в 21-22 года.

Я мог отжиматься по 150 раз, таскал гантели и делал разводку, а потом прыгал на велосипед и мчался вдаль. Я мог пробежать 2 километра после 2 литров пива. Я был подтянут и с иронией смотрел на недавние фото покатых плеч. Это было уникальное сочетание, когда я успевал все – и пиво попить, но и через пару дней потренироваться. Такой нестандартный вид тренировок я хотел бы применять и по сей день, но многое изменилось...

Году в 2013-ом на месте моего любимого школьного стадиона, на котором я любил зависать в одиночку, прийти побегать и постучать мячом в бетонную ограду, внезапно начались строительные работы. В огромном, бестолково застроенном городе, наполненном офисными помещениями, не нашлось места лучше для нового стеклянного аквариума, хранилища офисного планктона, чем старая возвышенность возле городского кладбища. Стадион разворотили и вырыли на его месте огромный котлован. А потом буквально за полгода-год там выросла бетонная офисная обитель. Детишкам, конечно, компенсировали потерю, разбив возле школы первоклассный стадион, огороженный и с покрытием. Но меня с ним ничего не связывает.

Гантели мои выросли до 11 кг, равно как и мои плечи. Я стал типичным турникменом – по-прежнему худым, но с прокачанными широчайшими мышцами спины. Я сбавил темп тренировок – я уже не могу встать в воскресенье после субботней попойки и спокойно провести 2 часа за зарядкой. Теперь я занимаюсь один день по будням. И все-таки спорт – это немалая

часть моей жизни, поэтому я и к своему юбилею являлся обладателем плоского живота, а не пивной цистерны, как многие мои ровесники.

Я продолжал учиться.

Глава 45. Учеба, учеба превыше всего

Да нет, вы не подумайте, в универе я учился хорошо со скорым переходом на отлично. Теоретическая часть юриспруденции давалась мне легко. Понять систему той или иной правовой науки, запомнить несколько важных законов и потом пересказать их на экзамене – это было несложно. Кроме того, за высокие баллы снимали плату за обучение, этим я, как мог, помогал родителям.

Я никогда не был ярим тусовщиком, хотя на выходных любил оторваться. Но если начинались зачеты и экзамены (в простонародье именуемые «сессия») – все. Я садился за конспекты и учебники и штудировал их до полной уверенности, что все запомнил. А потом с легким сердцем шел играть в компьютер и ползать по Интернету.

Работать параллельно с учебой на дневном отделении я, в отличие от нескольких одногруппников, и не пытался. Решил, что всему свое время, все я наверстаю и успею поработать. В принципе так и вышло. Я абсолютно не жалею о том, что не рвал жилы одновременно на работе и учебе. Отсутствие работы позволило мне сдавать зачеты и экзамены вовремя и в целом учиться «на отлично». Единственное, что мешало – это бесконечные личные драмы и переживания.

Но каждые полгода они тонули в дымном полумраке ночных клубов.

Глава 46. Ночные мотыльки неверного света

Что самое интересное в моей студенческой жизни, так это то, что я бывал в ночных клубах только большой компанией с одногруппниками или на общеинститутских мероприятиях. И учитывая, что контингент был из серии «все свои», клубы производили на меня приятное впечатление.

Там можно было вдоволь потанцевать (что я делал и делаю с удовольствием), намешать себе пару коктейлей и утонуть в сигаретном дыму до двух часов ночи. Было конвульсивно. На дискотеках мне всегда удавалось поугорать. Забавно было также наблюдать с утра осоловевшие лица будущих менеджеров, соцработников и юристов, которые брели на лекции, как в дыму (универ, естественно, снимал клубы только по будням). А еще я узнал, что пиво в клубе стоит в два-три раза дороже, чем в магазине и это окончательно убедило меня в несправедливости бытия.

Я побывал всего в трех или четырех местах. Это были довольно популярные на то время заведения. Никогда не забуду первый поход в клуб. Когда я вывалился из дверей в третьем часу ночи, до меня вдруг дошло, что в кармане у меня каких-то пять тысяч рублей. За такие деньги такси могло подвезти меня максимум на один километр вперед. И тогда я решил пройти пешком – ноябрь выдался теплый, правда, идти было очень далеко. Когда я мысленно наложил маршрут на карту города, меня обуял суеверный ужас. Ночь, видимо, предстояла долгая.

Когда я подошел к одной круглой площади, то вдруг не поверил своим ушам. За спиной отчетливо провыл подъезжающий троллейбус. Я ринулся к остановке и начал усиленно жестикулировать. Водитель приветливо мигнул поворотником и остановился. После короткого диалога стало понятно что пять тысяч рублей ночью в Беларуси – ничто. Драйвер долго вздыхал и качал головой, но в итоге согласился подвезти меня до родной улицы, потому как якобы сам туда ехал.

То, что произошло потом, я помню очень отчетливо. Троллейбус вдруг словно приподнялся на дыбы, как застоявшийся мустанг, и постепенно начал набирать ход. Ни до, ни после, да и вообще никогда больше, я не видел, чтобы троллейбус развивал такую скорость. Он верещал как пушенная в цель стрела, он пожирал километры ночной дороги и изо всех старался донести меня до дома ровно к трем часам ночи (я-то уже рассчитывал в лучшем случае попасть к пяти). Стрелка спидометра уперлась в ограничитель – мощная машина производства «Белкоммунмаш» в тот вечер показала все, на что была способна.

В остальных случаях я просто брал такси. С тех пор очень люблю такси. И уж точно не хочу машину – из-за препирательств и вечных непоняток по поводу того «кто сегодня за рулем». Теперь я никогда не за рулем, я просто глотаю этот город километр за километром, развалившись в пассажирском кресле.

Глава 47. Откуда они все-таки меня знали?

В жизни каждого парня и каждой девушки бывает такой период, когда ему или ей вдруг начинает звонить незнакомый человек и усиленно беседовать. Происходило так и со мной, причем в две волны. Первая волна была где-то в 9-10 классе, когда мне звонили какие-то подруги, непонятно откуда взявшие мой телефон и достававшие меня дома. Пришлось даже подключить старый определитель номера, хотя это мало чем помогло. Вторая же волна началась аккурат летом после третьего курса института.

Вначале звонили какие-то явные подростки – девушек было несколько, по голосу мне понравилась только одна. Они утверждали, что жили в Барановичах (где у меня ни родственников, ни близких друзей) и знали обо мне не так много, но даже поверхностные познания впечатляли. На мои расспросы возникала бетонная и непробиваемая стена из «мы тебе не скажем, откуда тебя знаем и кто дал твой телефон». Что же, когда мне бывало скучно, я им звонил, а когда скучали они – тоже набирали меня. Перезвон как-то сошел на нет к концу лета.

Другой случай был поинтереснее. Звонит как-то девушка – по голосу серьезная, воспитанная и все такое. Не из Минска. Очень усердно хотела встретиться и знала обо мне достаточно много. Я же не узнал о ней особо ничего. Встретится было, конечно, интересно, тем более, что стояло лето, а планов у меня особых не было. В общем ей я набирал почаще. Не помню уже, что меня остановило, кажется, я поставил ей ультиматум – дескать, она мне называет, кто дал мой номер и так подробно рассказал биографию, и мы тут же встречаемся. Что меня особенно развлекало, так это то, как она говорила «хочу на тебя посмотреть». Значит, тайный информатор не имел на руках мое фото. Потом я уехал в тур по Европе и общение как-то само собой закисло. Надеюсь, она нашла себе другого минчанина и желательно не копирайтера.

Вы знаете, я иногда даже скучаю по этим звонкам. Было в этом что-то тайное и приятное. Впрочем, то лето 2007-го года было последним, когда со мной пытались познакомиться таким «секретным» образом. С тех пор звонили либо знакомые, либо ошибались номером.

Так я и не узнал, кто дал мой номер как минимум в двух случаях.

Глава 48. 9 жизней

Настало время перевернуть еще одну трагическую страницу моей жизни. Когда Тишка умирал на наших глазах, пошатываясь, и с трудом выдерживая плавный кошачий шаг, наши сердца разрывались. Но это будет много позже, а до этого...

Шел 1997 год, когда мамина подруга с тяжелым сердцем отдавала нам подобранного ею где-то котика. Найденыш обладал редким генетическим дефектом – один глаз у него был мрачно-желтый, а второй – темно-голубой как ночь над океаном. Кажется, это называется дихотомией. Но это было не важно – главное, что теперь у нас был новый член семьи.

Поначалу кот очень боялся нас – он даже просидел несколько дней под диваном, наотрез отказываясь выходить. Затем, постепенно, шаг за шагом, мы сближались. Отношения наши складывались непросто – уж очень нелюдимым оказался наш новый гость. Пару раз я даже применял силовые приемы, чтобы вытащить кота из его убежищ. Ребенка можно понять, а вот чтобы понять судьбу уличного кота, нужна мудрость, которой у меня не было.

Шли годы. Мы играли, Тишка продолжал испуганно прятаться при появлении чужих людей, не очень любил нежности, но зато крепко любил поспать. Мы выносили его на улицу, раз возили на дачу, но более-менее сносно ему было у себя дома. Он сам приходил и укладывался вечером у ног, правда, на ночь я его выносил – спал я беспокойно и хотя коты и так не жалуются на бессонницу, думаю, нам было бы не очень комфортно.

Кот в доме – это символ покоя, уюта и семейного тепла. Все это наш необычный Тишка по мере сил старался создавать. Грел как мог зимой, вальяжно валялся на боку летом, задорно играл и даже в почтенном возрасте допрыгивал за игрушкой до моего лица. Обожал лазерную указку и, повинувшись хищному инстинкту, жестоко наказывал нас за оставленные припасы на столе. «Не съем, но добычей овладею» – таков был девиз этого мухолова и охотника за птицами.

Мне кажется, однажды я увидел старость в его глазах. Тишка будто осунулся и острая мордочка словно затупилась. Он больше спал, был менее активен и все чаще приходил полежать у ног, видя какие-то свои охотничьи сны. Острая болезнь подкосила его внезапно. Ветеринары разводили руками и давали сильнейшие антибиотики, а бедное животное громко кричало, с трудом ходило и уже не контролировало никакие выделительные процессы. Когда сердце рвется на части от того, что ты не можешь ничем помочь, от бессилия опускаются руки.

Блестящая стальная молния впиалась где-то в подбрюшье нашего кота и его разноцветные глаза умиротворенно закрылись навсегда. Больше домашних животных мы не заводили...

А через несколько лет мне наперерез бросился на улице незнакомый молодой кот. Он был тигрового окраса и глаза его горели двумя ярко-желтыми прожекторами. Малыш усиленно бросался мне на руки и всячески мурлыкал. А я гладил его и думал о том, что Тишка до сих пор приходит ко мне во сне...

Глава 49. С велосипедом по жизни

Велосипед я любил всегда. Я научился кататься лет в пять и с тех пор неизменно к нему возвращался, хотя иногда и подзабывал на двухколесный транспорт. В школе я катался на «Аисте» двоюродной сестры и до сих пор считаю его конструкцию приближенной к идеалу. У него была очень удобная посадка и оригинальный стиль торможения. На нем можно было очень эффектно рассекать по окрестностям

Массовое увлечение велосипедами в Беларуси прошло в два этапа. Первый пришелся на девяностые, когда мы гоняли на подростковых великах и мечтали иметь «взрослик» – скоростной велосипед для шоссейных гонок. Тогда многие ездили на купленных еще в советское время великах. Потом, где-то к концу 2000-ых началось постепенное обновление велопарка. Но катались мало и редко. Молодежь увлекалась автомобилями.

В 2007-ом году, еще до всяких обвалов и прочих девальваций, отец купил российское чудо техники – 650-ый Stels. На фоне редких «Туристов» и тех же «Аистов» он казался «Мерседесом». 21 передача, стальная рама, мягкое сиденье и изящный силуэт – эта машина выглядела очень круто. Летом того года я рассекал по пустынным тротуарам и спокойно наслаждался ездой, разгоняясь до 35-40 км/ч. И был абсолютно счастлив в этой жажде скорости.

Постепенно мода на новые велосипеды стала поглощать умы юных и не очень обитателей столицы. К 2009-му году городские власти проложили в Минске велодорожку – очень грамотный и отлично сделанный маршрут. Спешиваться, если едешь по ней, нужно всего пару раз, пролегает она в чистых и пустынных зонах. И даже в нашей холмистой местности она проходит преимущественно по ровной плоскости, лишь в нескольких местах вздыбившись горбатыми мостами. Во время подготовки к госэкзаменам в университете я очень активно катал по ней, отдыхая от груза знаний. И не мог не заметить, что количество велосипедистов увеличивается.

Их становилось все больше, этих самодовольных и заткнувших наушниками слуховые раковины «рейсеров». К 2011 году велосипедисты уже все чаще попадались на велодорожке, стали ездить в шеренгу, а не колонной и напрягали не только пешеходов и водителей, но и друг друга. Появились всякие мероприятия вроде «открытия сезона», «критической массы», совместного планирования поездок в Интернете и было создано «Минское велосипедное общество».

К 2014 году только по самым приблизительным оценкам в Минске насчитывалось до 400 000 велосипедов, из них постоянно крутились по велодорожкам до 10 000. В тот период я много работал над статьями и ездить стал реже. В будние дни это стало и вовсе трудно – количество находящихся в городе людей, за счет постоянно прибывающих студентов и периферийщиков, увеличивалось из года в год, и на улицах вечером бывало не протолкнуться. Только на моих глазах, прямо передо мной, два раза на полном ходу врезались друг в друга велосипедисты на велодорожке. По-прежнему росло число компаний, ехавших шеренгами на всю ширину дорожки.

В 2015 я выезжал также очень редко – максимум по воскресеньям с утра, когда людей мало. Плюс летом было как-то прохладно, так что ездить хотелось не всегда.

В 2019 году появилось и вовсе уникальное чудо – шеринг велосипедов, которые по приложению можно было взять где угодно и потом столь же легко бросить. Некоторые велосипеды до сих пор шлют сигналы из Свислочи и мусорных бачков. Также это совпало с пришедшей с Запада модой на электроссамокаты, гироскутеры, хOVERборды и кучу всякой высокотехнологичной лабуды, по сравнению с которой «Аист» кажется динозавром. Но таких эмоций, которые дарил он, не было больше никогда. Особенно когда девчонки прыгали на багажник или можно было умчаться с другом к озеру.

К велосипеду я стал постепенно охладевать. Нет, кататься мне нравится, как и прежде, но теперь надо постоянно следить за всем – голуби, собаки, машины, пешеходы, дети, другие велосипедисты и скутеристы, ямы, постоянные стройки и т.д. Держать в голове такой батальон факторов и при этом получать удовольствие от поездки очень непросто, поэтому иногда трижды думаю перед тем, как выезжать на покатушки.

Отдыхать «по старинке» мы тоже не брезговали, хотя я попутно продолжал очень много читать.

Глава 50. Лучше всего быть там, откуда некуда падать

Книга с четверкой повестей братьев Стругацких стояла в первом ряду одной из наших книжных полок столько, сколько я себя помню. Помню, лет в 12-13 мне захотелось фантастики и я потянулся за «Трудно быть богом». Я не только ничего не понял, но и решил, что Аркадий и Борис Натановичи – это не мое. Книга была отставлена на долгие годы.

Я почему-то не помню, как вернулся к ней. Что-то мне подсказывает, что уже в студенческие годы я закачал «Пикник на обочине», узнав, что один из моих любимых фильмов «Сталкер» снят именно по этой книге. Помню, что я открывал «Пикник» несколько раз и все никак не мог начать чтение. И вдруг как-то «пошло».

Я залпом проглотил «Пикник», потом «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» (тут как раз и фильм Бондарчука подоспел), «Гадкие лебеди» и все остальное. Кстати, я до сих пор прочитал не все произведения моих любимых фантастов, при том, что некоторые перечитывал уже по три-четыре раза.

Стругацкие стали вторым «приговором» целому жанру – научной фантастике. После них, как и после Ремарка, я не могу ничего читать из этой обширной сферы литературы. Я почему-то уверен, что все остальные пишут хуже. Книги братьев поражают воображение глобальным охватом многих процессов и пороков современного общества. Им удалось предсказать появление Интернета, смартфонов и гораздо более неочевидных вещей – тотального «мещанства» и торжества буржуазии. Интересные рассуждения о коммунизме и капитализме, человеческой сущности и общественной морали – в этих книгах я нашел все.

Мимо меня до сих пор проходят эти герои-призраки. Размахивает острозаточенным мечом Антон-Румата, чей путь на неизвестной планете оборвался дорогой, по которой «было видно, где он шел». Грустно минует ржавые грузовики Рэдрик Шухарт, жаждущий найти ответы на вечные вопросы. Остервенело ухмыляется Максим Камерер, пытающийся проникнуть на Островную империю. Иван Жилин хочет вернуть людям «духовное содержание». Бурчит товарищ Фарфуркис, которому опять выпало устранить затруднение. Все они словно передают мне привет из далекой и не существующей, но такой близкой и многомерной Вселенной братьев Стругацких.

Спасибо вам, Аркадий Натанович и Борис Натанович, вы сделали мою жизнь лучше.

Глава 51. Привокзальные беляши

Отмечать День независимости Республики Беларусь 2008 года мы начали очень неплохо. Первую порцию джин-тоника мы с другом выпили уже где-то к двум часам дня, потом заехали за его девушкой и двинули гулять. Маршрут наш потонул для меня в зеленом похмельном дурмане, я помню, что выпил прилично, а потом мне захотелось есть.

Да, чипсы и сухарики, безусловно, вредная и опасная хрень. Вспомнив этот незыблемый постулат, в тот день мы решили поесть мяса. В поле нашего зрения как раз оказался столичный вокзал. Мы спустились в переходы и купили аккуратно поджаренные беляши в пакетиках. Пока провожали девушку друга домой, я успел слопать свой и почти половину беляша друга. Все было клево. Мы кое-как вернулись домой из Малиновки, и я брыкнулся спать.

Проснулся я часа в четыре утра (при том, что пришел в полночь). Меня мутило внизу живота. Я решил, что капитальный поход в туалет станет моим спасением. Я спокойно уселся на унитаз, сделал дела и начал поворачиваться, чтобы смыть безобразие из унитаза и со своей совести.

Очнулся я в коридоре с едва надетыми трусами (больше на мне и так ничего не было – июль месяц все же). В туалете хлестала вода, вокруг бегали родители. Я в шоке вращал глазами, не понимая, что произошло. Оказалось, я не успел повернуться и нажать на спуск – меня обрубил, я потерял сознание и рухнул спиной прямо на бачок унитаза, снеся его и расколов вдребезги. Проснувшиеся от грохота родители решили, что началось локальное вторжение инопланетян.

Я был в порядке – ни переломов, ни ушибов, ни порезов, ничего не болело. Унитаз временно перекрыли (предки с утра побежали за новым). Половину следующего дня я провалялся, мучаясь от отравления. С тех пор я стараюсь поменьше есть, особенно на вокзалах, особенно когда пью.

А стоило мне доползти до компьютера часам к двум дня, как я узнал, что той же ночью в столице, в самом центре, прогремел взрыв и осколками ранило более полусотни человек. Это был один из первых крупных терактов в стране.

Глава 52. Мы становимся настоящими юристами

Прошел год. За это время я успел побывать на практике в поселке Ратомка, пытаюсь продать гостиницу за 1 млн долларов и всячески привлекая арендаторов. Тот предприниматель, у которого я стажировался, имел грандиозные планы – собирался разбить в деревне Студенка на реке Березине близ Борисова тематический парк, посвященный разгрому наполеоновской армии в 1812 году. От настроенных им воздушных замков у меня захватывало дух. Хорошая была идея, вот только к 2019 году о той компании и ее грандиозных проектах осталась лишь пара скупых и проплаченных заметок в Интернете. Он же обещал мне, что если тема пойдет, работой я буду завален по горло.

Потом я стал готовиться к госэкзаменам и писать диплом. Я действительно записался в президентскую библиотеку и усиленно переписывал разные сведения, касавшиеся опыта применения института уполномоченного по правам человека в мире. Мой научный руководитель к тому времени впал в легкий запой, но замечания внес по делу.

Я читал учебную программу, освежая в памяти все то, что изучал пять лет и немного грустил. Шальное студенческое время, которое могло быть еще более веселым, не засиживайся я за антиутопиями и сбором моделей самолетов, подходило к концу. Впереди маячило стандартное счастье офисного планктона – какой-никакой офис и зарплата в несколько сотен долларов, слегка ужавшаяся после кризиса начала 2009-го года. Пришло время прощаться с одногруппниками, с которыми было прикольно.

Экзамен я сдал на 9, а диплом про уполномоченного по правам человека защитил на 10. После экзамена мы на четырех машинах рванули к Минскому морю. Пожалуй, такого отмечания нашего общего успеха не было ни до, ни после. Это было просто классно – летнее солнце, неумолкающий лес, крепкое пиво и сочные шашлыки. После сдачи диплома мы повторили турне и стали готовиться к выпускному.

Нам вручили дипломы и мы могли идти на все четыре стороны. Но вначале была крутая вечеринка в ресторане нашего знаменитого рынка Ждановичи. Проснувшись на следующий день, я понял, что теперь мне нужна работа, медлить больше было нельзя.

Глава 53. Пришло время зарабатывать деньги

С самого начала учебы я думал, что слово «блат» в моих будущих отношениях с потенциальными работодателями будет неприменимо. Тем не менее, летом 2009-го года, окончив университет, я стал поднимать все имеющиеся скудные связи.

Я был молод, наивен и амбициозен. Не имея практического опыта, я искал хоть какую-нибудь работу. Я был готов пахать за заветную запись в трудовой книжке. «Юрисконсульт» – это звучало гордо, с легким налетом латинских традиций и современного пафоса «белых воротничков». Я штудировал вакансии, а при звонках друг другу первым делом спрашивал: «Ну что, нашел работу?».

Летние дни я проводил по-разному. Утро начиналось с просмотра вакансий в Интернете, затем следовало немного свободного времени, а ближе к вечеру начинался второй заход в поисках. Я писал стихи, играл в игры и еще не ощущал себя безработным в полной мере. Я верил в себя, хотя и знал, что в это же самое время по всей стране так же сидят тысячи страждущих.

Подходил к концу второй месяц поисков. Позади были первые в моей жизни собеседования. Впоследствии они станут похожими одно на другое настолько, что от неоригинальности будет тошнить. Меня начинала пугать нерезультативность поисков и приближающаяся осень. Но я чувствовал, что те самые пресловутые колеса Вселенной и судьбы уже вращаются в нужном направлении.

С одного места меня отшили, пообещав перезвонить позже, когда подвернется подходящая работа. На «мое» место взяли девочку. Впоследствии эта причина отказа будет мелькать с поражающей частотой.

Моя будущая компания искала помощника юриста с высоким средним баллом (а у меня был как раз такой). Искали именно парня (а я был именно им). Я очень на них рассчитывал. Но они молчали, а затем снова опубликовали объявление и я откликнулся повторно. И тогда мне перезвонили.

А потом я узнал, что такое три ступени собеседования.

Глава 54. Первая работа

Вначале меня опрашивала девушка из отдела подбора персонала. Моя позитивная энергия, очевидно, понравилась ей и вскоре мне перезвонили, приглашая прийти на беседу к местному юристу. Парень быстренько пересказал мне основные обязанности и спросил, готов ли я? Я заверил его, что всю жизнь только и ждал этого вопроса и, конечно, готов на все 100%. Заключительным этапом стала беседа с учредителем. Она оказалась милой женщиной, а правильный ответ на вопрос о Чкалове (поскольку в хобби у меня стояла «авиация») видимо решил вопрос положительно и бесповоротно.

Как я узнал позднее, мне удалось обойти телезвезду, участника проекта «Что? Где? Когда?» некоего М. Как видите, известность в нашей стране – ничто, все равны. Уже в пятницу мне позвонили и сказали, чтобы в понедельник я выходил на работу. А я только собирался зайти в универсам за джин-тоником.

Платить обещали совершенно невероятную по тем временам сумму – 250-280 долларов. Это была полноценная зарплата для начинающего юриста. О лучшем и мечтать не стоило. Мне уже грезилась дорогие коктейли, небрежно оставленные двадчатки, стильная одежда и отдых на морях за свой счет.

В компании мне понравилось. Молодые ребята были все как на подбор, претенциозные, активные, настоящие «продажники» в хорошем смысле слова. Могли впарить мертвому заводу для волос, которых у него никогда не было.

Мы продавали известный американский напиток, соки местного производства и тому подобные жидкости и считались крупной компанией. Это был хороший старт, вертикальный взлет с надежной площадки. Всему, что знал сам, меня учил старший юрист.

Он был всего на три года старше меня, но умел создать атмосферу авторитета и подчинения с поощрением. Я старался, поначалу практическая часть юриспруденции мне нравилась. Нравилось выигрывать суды, следить за поступлением денежных средств в кассу предприятия. Не нравилось, правда, вести сразу две-три компании и их должников. Общение с кучей недозвольных чем-то клиентов тоже напрягало. Но это было не важно – главное, в разгар кризиса у меня была работа, а значит, я мог смотреть свысока на тех, у кого ее не было.

Но с течением времени все отчетливее стало приходить понимание того, что я занимаюсь не тем.

Глава 55. Работа-дом, работа-дом

Я познакомился с прекрасным изобретением мира капитализма – волчьим колесом, в которое загоняют вольного человека в надежде превратить его в бегущую по кругу букашку с безумными глазами. Работа стала отнимать по 8-9 часов в день. После нее хотелось одного – спать. Максимум прочесть пару страниц легкой фантастики и отрубиться, убить еще 8-9 часов из становившегося ненавистным круговорота жизни. Я даже не понимал, куда уходила еще треть суточного времени. Оно стиралось, исчезало, незаметно поглощалось двумя предыдущими «убийцами».

Мы начали ходить с коллегами в кафе, где я попробовал наконец вожделенные коктейли, любимые Хемингуэем и прочими авторами. Узнал, сколько весят шары в боулинге. Какова на вкус дешевая пицца из псевдоитальянского ресторана.

Мы стали типичными офисными прожигателями жизни. Это был предпоследний относительно сытый год в жизни нашей страны. Доходы населения искусственно пошли вверх, наша семья заняла нишу прочного среднего класса белорусского общества. Это когда кроме оплаты жилья, содержания машины и недорогого отдыха ты мог позволить себе еще кое-что.

Я много откладывал, не подумайте. Умудрялся откладывать с двух сотен баксов. Многие друзья еще находились в поиске работы, а я уже имел модную зарплатную карточку и покупал не опостылевшее пиво местных пивоварен, а элитное российское или украинское. Сладкие джин-тоники вытеснили новые напитки, ставшие неотъемлемыми спутниками наших субботних пиршеств.

Вот тогда я и подумал, что надо плюнуть на все и смотаться в июле к морю.

Глава 56. Древний Алустон

2010-й год однозначно был одним из самых лучших в моей жизни. Я подключил безлимитный Интернет, на работе все шло без особых проблем, деньги копились, погода радовала, и все было в порядке. Мы ударно работали и угарно отдыхали. Я решил, что хорошим дополнением к этой приятной тенденции станет индивидуальный тур в Крым.

Я проштудировал несколько сайтов и понял, что сравнительно дешево можно добраться напрямик до Алушты из Минска. Мне обещали старый советский пансионат, переоборудованный в гостиницу. Я с радостью согласился и стал ждать свой первый трип за пару тысяч километров.

Алушта середины июля покорила меня обилием солнца, людей, ощущением лета и свободы. Вдалеке плескалось волшебное Черное море, все вокруг было свое, родное, и я начал отдыхать.

Крымское вино, украинское пиво и российский «Ягуар» были в свободном доступе. Чувства опьянения не было почти никогда. Соленая вода и яркое солнце выводили алкоголь быстрее, чем я успевал насладиться его дарами.

Скучно мне тоже не было (как и всегда). Я знакомился и общался с нашими, не нашими, условно нашими и т.д. У Крыма свое особенное очарование, которое чувствовалось во всем. Я купался в ароматах, сливался воедино с морем, дружил с солнцем и гулял, гулял, гулял...

Номер мой был очень уютным – с балконом, на четвертом этаже. Там присутствовала небольшая душевая кабинка, унитаз, телик с кучей каналов и мини-бар. Последний меня особенно радовал, в нем всегда можно было найти успокоение, приют и мечты.

С одной классной белорусской семьей мы сгоняли в Ялту, возвращались поздно на убитой синей «Ладе» восьмой модели под блатные песни. То, как она петляла по горной дороге, стало одним из самых ярких впечатлений моей жизни.

Уезжать мне не хотелось. Море ласково шептало «Оставайся!», а солнце заманчиво молча улыбалось. Чуда не произошло, расхлябанный автобус «МАЗ» поглотил белорусских туристов в своих недрах и понес нас на Родину.

А дома я обнаружил, что стал анархистом.

Глава 57. Мама-анархия

Умышленная неверная трактовка анархизма со стороны властей, публичных людей и обывателей отвратила от него огромный пласт общества. А между тем, если не вдаваться в подробности, анархизм – это леворадикальное течение, построенное на утопическом гипертрофированном чувстве справедливости. Придуманый Прудон, развитый Бакуниным и графом Кропоткиным анархизм во все времена был локомотивом идейного сознания интеллигенции. И число недовольных всегда и везде было примерно одинаково.

Нет ничего наивнее, чем полагать, что придет какая-то новая власть и все сразу расцветет розовыми красками. В новейшей истории таких правителей, которые облагодетельствовали максимальное число людей, можно пересчитать по пальцам: Рузвельт, Ли Куан Ю, шейх Зайд. Вспомните еще парочку – хорошо. Все остальные – как минимум спорные личности в истории, оставившие противоречивые свидетельства современников либо откровенные тираны и деспоты. Любая власть будет коррумпированной, любое правительство – продажным, любые судьи – субъективными. И ничто не способно изменить ход этой закономерности.

Не могу сказать, что мне так уж импонирует один из главных «практиков» анархизма – Махно. Все-таки «Гуляйпольская республика» была сравнительно локальным образованием, да и сам Нестор Иванович управлял ею по своему разумению. Тем не менее никакое другое учение – будь то либерализм, коммунизм или западная демократия не способно гарантировать столь же полной реализации прав и свобод личности, ограниченных только аналогичным набором другой личности.

Я не утопист и понимаю, что обществу в целом (да и мне самому) до этой идеологии еще расти и расти, развиваться лет 500. К тому же остается без ответа главный вопрос коммунизма, социализма и анархизма – а кто в этом раю будет драить унитазы и ремонтировать дома? Хорошо, конечно, жить в этаким вечно залитом солнцем Эдеме и быть блоггером, свободным импрессионистом или структуральным лингвистом от случая к случаю. Но ведь трудно представить себе человека, получающего искреннее удовольствие от мойки окон или удаления засоров.

На этот вопрос так и не смогли ответить более светлые головы, чем я. Однако же я верю в человечество и в то, что однажды, коллективно, мы придем к построению идеального общества.

А теперь настало время перевернуть самые мрачные страницы моей автобиографии.

Глава 58. День, когда я думал, что погиб

Нет ничего хуже самонадеянности и недостаточного обзора. Эту двойную простую истину я очень хорошо уяснил, когда расслабленно катил на велосипеде по небольшой улочке в начале сентября 2011 года за месяц до увольнения моего начальника-юриста. Стояло настоящее «бабье лето», подо мной был верный Stels, я слушал музыку в наушниках и все было хорошо. Ровно до того времени, пока я не подъехал к перекрестку.

20 лет стажа управления велосипедом, тихий отпуск, спокойная езда по тротуару – что может случиться? Когда я подъехал к пешеходному переходу и увидел, что на нем, широко расставив задницу, стоит массивный Hummer, то не подумал ни о чем. Я просто покатил на зеленый сигнал для пешеходов, привычно не слезая с велосипеда.

Это произошло быстрее, чем я что-либо понял. Мелькнул перед глазами кусок блестящего зеленого металла, раздался стук и я как-то мягко перелетел через руль. Очнувшись, я понял, что на полном ходу врезался в заднюю часть поворачивавшего (и поэтому не видимого для меня из-за Хаммера) Мерседеса. Все случилось на пешеходном переходе в разгар вечернего часа пик. Отличный день, чтобы умереть...

Водитель, конечно, принялся на меня орать. Я из-за стресса стал орать в ответ, понимая, что неправ. За ним начала образовываться пробка и в один момент он махнул рукой и уехал, а я понуро покатил велосипед домой (а катить мне его предстояло ой как далеко).

За эту долгую дорогу, за этот показавшийся бесконечным длинный горячий путь, я понял все. Я понял, что жизнь человека может оборваться за секунду, когда он спокойно катит на велосипеде домой. Он может рухнуть на футбольном поле в полном расцвете сил. Он может всю жизнь не курить, а потом сгореть от рака легких как окурок, втянутый второпях. И никто не знает, что ждет его за той мрачной черной молнией, которая подобно острозаточенному ножу только что рассекла мою жизнь пополам.

Велосипед скрипел погнутым колесом, а я все брел и брел по залитым осенним солнцем столичным улицам и все не понимал – как же такое могло произойти. А если бы секундой раньше... А если бы не упал мягко... Я ведь еще не увидел столько стран, не пообщался со столькими людьми, не издал книгу...

Больше в том году за руль велосипеда я не сел.

Глава 59. Дьявольский 2011 год

Если вы спросите меня, какой год был лучшим в моей жизни, я отвечу – 2016-й. Когда вы спросите, какой год был худшим в моей жизни, я прошепчу – 2011-й. Это был год, когда все зло, боль и ненависть нашего мира выплеснулись на поверхность. За 365 дней сатана вдоволь поиздевался над нашей планетой, едва не смахнув род людской волосатой рукой, обгаренной кипящим маслом и кровью.

Если вы откроете Википедию, то ваши волосы будут вставать дыбом от месяца к месяцу. Вот, что больше всего запомнилось мне: взрыв самолета в Сургуте, землетрясение в Чили, теракт в Коптской церкви египетской Александрии, грохот и пламя пожарищ «арабской весны» – смена правительств в целом ряде стран Африки и Азии, теракт в Домодедово, охваченный огнем Пакистан, трясет Новую Зеландию, ядерное землетрясение в Японии, взрыв в метро на станции «Октябрьская» в Минске, ликвидирован Бен-Ладен, в ДР Конго падает «Боинг», на Волге тонет теплоход «Булгария», Андреас Брейвик открывает автоматную стрельбу в Осло, начинаются беспорядки в Великобритании и по всему миру, разбивается хоккейная команда «Локомотив», наша экономика проваливается в тартары, моя зарплата становится около 100 долларов, мимо земли проносится огромный астероид, уходит в отставку Берлускони, умирают Стив Джобс, Ким Чен Ир и Вацлав Гавел и чуть не погибаю я.

Несчастья хлестали из самих ворот ада. Каждую секунду только и стоило опасаться, что сейчас что-то взорвется, кого-то убьют, что-то рухнет и погребет тебя под завалами. Но мы выстояли – все человечество выстояло и победило.

Те, кто пережили 2011-ый год достойны памятника.

Глава 60. Что же было самым важным

Знаете, что самое трудное при написании мемуаров? Нет, не вспомнить все дословно, детально и описать непредвзято. Самое трудное определить, что из этого было главным и о чем стоит писать. К месту ли упоминать о маршрутке «Газель» классе в четвертом-пятом, которая выскочила из-за автобуса, скользя по льду, пока я глазел куда-то в сторону и поэтому не поспешил переходить на зеленый? Сделай я шаг на пару секунд раньше, этих строк могло и не быть.

Нужно ли вспоминать о том, как я ехал на велосипеде лет в 5 и почти слетел с лестницы, ведь детские велосипеды не оборудованы тормозами, а лестница была почти отвесной? Если бы я лихо не уткнулся колесом в основание перил... Ну вы понимаете, этих строк могло и не быть.

Интересно ли сейчас кому-то, как громяхают куски кремния, которыми наша семья испокон веков очищала водопроводную воду? Я не слышал этих звуков довольно давно, с тех пор как мы стали пользоваться фильтрами для очистки воды. А вот недавно был в гостях у бабушки и она мыла банку с ними. И сразу знакомый перезвон разнесся по кухне. Вспомнилось детство... Затем взгляд скользнул по наклеенной обертке от шоколада «С Новым 2001 годом!». Почему наклеена обертка именно с этим годом, памятным для меня и моей детской влюбленности. Важно ли все это, нужно ли об этом упоминать? Или это те незаметные искорки-знаки, которые бросаются мне в глаза только потому, что я ищу их?

Как описать «взросление» целого огромного микрорайона, которое я много лет шаг за шагом наблюдал из окна бабушкиной квартиры, расположенной на восьмом этаже? Когда-то из окна были видны только соседние дома, расположенные примерно в километре. Между ними были видны далекие улочки большого города, по которым сновали «Икарусы» и за которыми я наблюдал, представляя, как за мной уже едут родители. Невероятные и неповторимые ощущения – казалось, я видел город насквозь.

О чем я думал в прекрасный летний день, когда мы шагали с другом по только что перекрытому проспекту Дзержинского, на котором должны были начаться работы по строительству метро? С момента окончания университета прошло около месяца и мы шли по яркой шестиполосной магистрали и говорили о том, какую работу найдем в будущем. Что сбылось из того, о чем мы тогда говорили?

Разве мог я предположить, скучая в воротах около исполкома Минского района, что спустя всего несколько лет я побываю в таких странах как Украина, Монако, Италия, ОАЭ, Грузия, Албания? Что-то неведомое грезилось мне в далеком колыхавшемся тумане вечернего Минска, в этих переливах огня и редкой музыке, доносившейся из раскрытых окон. Подростки, гонявшие мяч, скоро окажутся за границей, одни, с друзьями или семьями и будут тыкать пальцами в незнакомые блюда, кряхтеть от ледящего пива и говорить на смеси русско-английского. Ничего этого представить я себе не мог, но все-все получилось, все было таким неожиданным, прекрасным и вдохновляющим.

Память услужливо выхватывает из своих схронов какие-то яркие обрывки, из которых умелая рука наверняка сложила бы целостную картину. Для меня же все это – затянувшийся реквием по прошлому. Немой, нескончаемый и необратимый. Или скорее симфония. Случайная симфония жизни.

Глава 61. Я вползаю в журналистику

Длинные пальцы даны мне не для игры на пианино. Ими оказалось очень удобно щелкать по клавиатуре. Это, как вы знаете, я понял еще в 9-ом классе.

«Графоманство» не давало мне покоя. В университете я написал повесть, может еще пару рассказов. К октябрю 2011 года, на фоне общего депрессняка, повальной девальвации, инфляции, терактов, протестов, угрозы снижения зарплаты, я вдруг понял, что хочу заниматься журналистикой. О чем неожиданно и заявил во время празднования своего дня рождения в компании коллег. Я хотел писать, доносить до людей объективную информацию, выражать мысли красиво, бить словом и вообще – засиделся я в вашей юриспруденции.

К сожалению, сходу зацепиться за это ремесло не получилось. Прошло больше полу-года, прежде чем счастливый случай и удачная подача материала позволили мне занять место в интернет-издании, специализирующемся на цифровой технике. Я на тот момент примерно три месяца работал с новой начальницей юротдела. Однажды, тайком просматривая вакансии на журналистские должности, я шумно вздохнул и вслух посетовал, что есть хорошая вакансия, но нужны авторы с опытом. Когда я назвал интернет-сайт, который искал журналистов, моя начальница оживилась и заявила, что ее очень хороший друг работает там заместителем директора. Это заявление круто изменило всю мою последующую жизнь...

Меня «протолкнули» на собеседование. Потенциальным работодателям я понравился (это я умею) и они предложили мне написать тестовую статью. Тема была следующая: гид по выбору пароварки. Я писал мою первую статью несколько дней, затем отправил ее и с нетерпением ждал ответа. Мне ответили следующей формулировкой: «Владимир, вы пишете именно так, как нужно для нашего сайта». Это означало, что главная мечта моей жизни на то время исполнилась.

Когда я впервые увидел на сайте свои имя и фамилию с припиской «Автор», я испытал, несомненно, сильнейшее потрясение и радость. Меня читали! Пусть десять человек, но они знакомились со мной посредством печатного слова. А я увидел свой материал со стороны. Это произошло в конце июля 2012-го года.

От написания статей я испытывал интеллектуальный оргазм и детский восторг. Это когда тебе хорошо без женщины, но с программой Word. Это было, конечно, странно, но не менее приятно. Я почти сохранил в себе это чувство даже написав горы статей и материалов.

Я узнал, что в Интернете куча непроверенной, бездумно перепечатанной информации из сомнительных источников. Трудно было отыскать правду, перелопачивая горы сайтов. Я соотносил полученную информацию с опытом, логикой и вставлял ее в статьи. Про журналистов часто говорят, что они поверхностны, не смыслят в тех темах, о которых пишут. Это, конечно, во многом правда. Но нельзя же знать все, можно знать просто максимум и действительно обладать неким чутьем.

Я немного побеседовал с владельцами сайта и перешел на режим работы «минимум одна статья в неделю». Вы знаете, с тех пор мои вечера всегда оказывались занятыми. Велосипед блестел лакированной рамой, кладбищенские деревья шумели, приглашая на улицу, но я усердно печатал после работы очередные гиды по выбору и небольшие ностальгически-аналитические

заметки. Нет, я, конечно, мог и проехаться на велике в какой-нибудь из вечеров и сходить в кино, но с одной стороны, я понимал, что мне потом придется написать в два раза больше за ту же единицу времени, а с другой, был уверен – теперь я связал свою жизнь с тем, о чем всегда мечтал. И за это придется заплатить свою цену.

С этим интернет-изданием я сотрудничал 3,5 года. К сожалению, заказчик не пожелал повышать расценки, а я осознал, что мое время теперь стоит дороже. Решение о расставании с этими ребятами далось мне непросто.

Глава 62. Солнце запуталось в жалюзи

Самые яркие воспоминания из начального периода моей «официально признанной» творческой деятельности связаны с двумя вещами. Во-первых, я зачем-то купил в начале 2012-го года поддержанный нетбук. Это такое маленькое устройство из 2008-го года, больше похожее на электронную цифровую печатную машинку с выходом в Интернет. Я вдруг открыл для себя, что печатать лежа значительно удобнее. И тексты получаются веселее, как после пива. Мне казалось, что я видел его когда-то давно, но тогда он был недостижим по причине высокой цены. Нетбук впоследствии сыграл немаловажную роль в написании ярких и искрометных текстов, но куплен он был еще за полгода до того, как действительно пригодился.

Второе самое яркое впечатление – это воскресное утро. Солнце пробивается через жалюзи, слегка запутавшись в них и призывая бросить все и пойти гулять. А я сижу и вывожу очередные пассажи о продажах iPhone, выборе микроволновки и преимуществах цифрового телевидения. И понимаю, что абсолютно счастлив. Я знаю, что мой мозг теперь работает критически, скептически и как-то особенно, как не работал ранее. Я уже вижу, как неведомый призрак юриспруденции начинает выветриваться из моей головы, покидая ее почти навсегда. А если все это происходит под напевы моего любимого italo disco, я понимаю, что попадаю в нужный водоворот, который рано или поздно вынесет меня туда куда нужно.

Эти два символа с тех пор неизменно со мной – яркое солнце, под которое пишется лучше всего, и компактные нетбуки (у меня уже третий по счету).

Глава 63. Продажный менеджер

Перемены в жизни, положенные журналистской подработкой, неожиданно подтолкнули меня к смене основного места работы. Компания опустела. Трассирующие пули кризиса выкосили всех тех ребят, которых я знал, хотя трое и вернулись спустя какое-то время после увольнения. Но свою вдохновляющую атмосферу фирма явно потеряла. Работали там люди случайные, занятые параллельными поисками другого места работы и уже не такие энергичные. Я напросился к директору на беседу.

Начал, естественно, издали. Упомянул про три года работы, про то, что на зарплату, которую мне платят, можно питаться только чебуреками. Директор со вздохом сообщила, что помочь ничем не сможет. Тогда я решил помочь себе сам.

Это совпало с первой мощной волной моего разочарования в юриспруденции и параллельно я начал искать работу. И выяснилось, что новая работа для меня уже есть. Предложил ее не кто-нибудь, а начальник отца. Да не какую-нибудь, а на маленькой фирме менеджером по продажам. Вот, думаю, то, что надо. Отдохну от суеты своей конторы, от этих постоянных судов, договоров, претензий, клиентов. Мда уж, отдохнул, что называется.

Нет, там действительно было спокойно по сравнению с прошлой работой. Звонили в основном редко, иногда часто, приезжали милые и не очень люди. Но, извините, ребята, там пришлось таскать строительное оборудование. «У нищих слуг нет», – приговаривал Г. Жеглов, посмеиваясь. Некоторые установки между прочим весили под 300 кг. И отгружать их приходилось и летом, и зимой. Да как хочешь, так и грузи, и никого не волнует, что кузов в добрых полутора метрах над землей. В общем, чтобы заниматься такой работой, надо очень любить деньги. Или строительное оборудование.

Директором там был сын начальника отца, а его мать – заместителем. Семейная же фирма. Бухгалтер тоже их давняя знакомая. Вот, собственно, и все. Крутились они, конечно, лихо. Я же понял, что не могу сказать о себе того же уже через несколько месяцев.

Но эта работа, которую я выбрасывал из головы едва выходил из офиса на Логойском тракте, неожиданно помогла мне в другом. У меня стало оставаться больше сил на статьи. Монотонная физическая нагрузка с 9 до 17 (мы работали без обеда) и очень слабая умственная позволяли мне включать мозг на полную после пяти. И он работал как надо.

Редакторы интернет-издания однажды похвалили мое творчество. До сих пор помню фразу «стало интересно читать». Я и сам почувствовал это. Что-то такое в материалах появилось, что-то стало цеплять.

Свободное время и простая работа позволили мне осуществить еще одну мечту.

Глава 64. По следам Малдера и Скалли

Я не помню, когда меня впервые заинтересовало сверхъестественное. Вбил ли эти установки Чумаков, который заряжал нам воду через кинескоп. Либо я спросил у родителей «что такое НЛО?». А может, что-то услышал про привидений. Помню только, что это произошло очень давно и тому есть документальные свидетельства.

Речь идет о книге «Монстры. Привидения. НЛО», изданной одним мегапопулярным в свое время книжным картелем в 1995 году. Мне же ее подарили на 10-летие, то есть в 1996 году. Таким образом, вот уже 23 года я знаю, кто такие сасквачи, что произошло в Розуэлле и что представлял из себя тираннозавр рекс. Потом были еще энциклопедии и книги, а в 1999 году состоялось знакомство, которое зародило маленький огонек будущей мечты.

Речь идет об одной газете, посвященной секретным исследованиям. Это отечественное издание и его главный редактор руководит газетой бесценно вот уже почти двадцать лет. Номер, который я купил, был довольно интересным – именно из него я в 13 лет узнал, что убийца американского президента Кеннеди Ли Харви Освальд работал на минском радиозаводе, а также жил в Минске и был женат на минчанке. Была там и другая любопытная информация.

С тех пор прошло 20 лет, но газету я периодически неуклонно покупаю все эти годы. Вначале от длинных и «тяжелых» статей у меня перегружался мозг, но я все равно изучал ее от корки до корки. Многие из того, что я знаю о мире паранормального, я почерпнул из этой газеты. И знаете, что самое необычное – даже по прошествии стольких лет она продолжает меня удивлять.

Так вот, именно в апреле 2013 года я, пользуясь свободным временем, решил отправить статью в эту газету. Справедливо посчитав, что «попытка не пытка», я решительно щелкнул мышкой и моя статья, посвященная загадкам манускрипта Войнича, улетела в редакцию. А я со спокойной душой отодвинул клавиатуру и отправился на очередную субботнюю посиделку с друзьями.

Вечером, уже практически засыпая, я открыл почту и не поверил своим глазам – моя статья была принята в печать спустя три часа после отправки. Сыграло ли свою роль то, что я предложил ее бесплатно да еще в субботу или она действительно была интересной – пусть каждый ответит в зависимости от отношения к моим статьям. Я же знал только то, что моя прекрасная, чистая и светлая мечта сбылась. Спустя всего 10 месяцев после погружения в журналистику я увидел свои имя и фамилию в газете, которую читаю с детства.

И тогда стало понятно, что мина замедленного действия под названием «журналистика» сработала внутри меня и остановить ее разрушительное действие стало невозможно.

Глава 65. Вырванные куски

Говорят, родина – это то место, где ты счастлив. А счастливым можно быть там, где ты занимаешься любимым делом, чувствуешь поддержку близких людей и связь с разными местами. И если первые два фактора из этой триады действительно в конце концов стали основой моей жизни, то с третьим были явные проблемы.

Мое гордое лицвинское сердце не очень сильно дрожит при упоминании Грюнвальда, при взгляде на карту ВКЛ, занимавшего пространство от Балтийского до Черного моря, а мозг не восторгается Конституцией Речи Посполитой. Наверное потому, что теперь практически никаких следов бывшего могущества в нашей стране не осталось. И ладно бы мне нравился Мирский или Несвижский замок, но нет – современные небоскребы Дубая гораздо больше впечатляют меня, чем имения раскулаченных Радзивиллов.

С Минском нас связывает иная, некая неуловимая связь. Я знаю в этом городе тихие и скрытые от глаз места. Я иногда удивляюсь его бестолковой и аляповатой застройке, но понимаю – гулять в Риме, Тиране или по Ялте с теми же чувствами я бы не смог. В Риме для меня слишком тесно и многолюдно, Тирана чересчур населена автомобилями, а Ялта наверняка надоела бы очень быстро. Я не знаю, можно ли назвать это любовью, когда ты знаешь, что есть нечто «лучше», но остаешься с тем, что дорого. Может, это она и есть – тихая многолетняя любовь к столице.

К сожалению, в Минске очень часто исчезают или меняются до неузнаваемости знаковые для меня места. Например, я часто мог посидеть у невзрачной пятиэтажки, где жила моя первая любовь, надежно укрытый свежей майской зеленью. Или пройти мимо здания своей школы, у которой треснул фундамент. Или сбегать в магазин «на горке», со старым добрым минимальным ассортиментом и большим выбором плодово-ягодных вин. Про стадион, на который я ходил в школе и в студенчестве, я уже писал. Не упоминал об универсаме «Фрунзенском», старейшем в СССР и столь притягательном. Не говорил еще о пиццерии возле дома, в которой мне удалось насладиться великолепным матчем между мадридским «Реалом» и туринским «Ювентусом», который попал в финал.

Но пятиэтажка и весь микрорайон пережили капитальный ремонт, а деревья удалили или существенно подрезали. К школе пристроили огромную многоэтажную часть, а пыльное поле, на котором мы с удовольствием гоняли в футбол, покрыли искусственным покрытием. Магазин на горке выкуплен и перестроен на свой манер крупной торговой сетью. «Фрунзенский» перешел уже в третьи руки. На месте пиццерии открылся очередной американский фаст-фуд.

И таких мест я могу называть еще очень много. Минск очень изменился за эти годы, оброс фурункулами офисных центров, нарывами торгово-развлекательных комплексов, обновился жилыми кварталами от частных застройщиков, сменил маршрутную сеть. И даже огромный пустырь с фруктовыми садами, мимо которого я проезжал, когда ездил к бабушке, застроен теперь новехонькими микрорайонами. И даже Свислочь, переставшая быть местом наших знакомств, имеет совсем другие виды и над ней грохочет «дом Чижа», крупный шпиль офисного здания и ТЦ Galleria.

Кое-что, конечно, осталось – «Чистые пруды» в районе улицы Щорса, наш дом, книжные магазины и некоторые другие заведения. Но ведь многого и не стало. Иногда начинаешь чув-

становать себя чужаком во вроде бы знакомых с детства местах, но внезапно изменившихся, переродившихся в новые микрорайоны и магазины, места и местечки.

С людьми дело обстоит еще хуже. Один школьный друг в свое время переехал, потерял мой номер телефона, и мы не слышались лет восемь. Потом (хвала Одноклассникам) он меня нашел и мы даже созванивались, но ведь мы стали совсем другими и о чем нам говорить было непонятно. С другим возникли разногласия и мы тоже потерялись на долгие годы. Слышал, что у него был свой бизнес, а недавно я увидел сообщение о банкротстве его фирмы. Третий товарищ был единственным человеком в мире, которому я читал вслух один из своих рассказов. Затем он сошелся с девушкой и по моему мнению находится в плену сектантов. Он же считает, что познал истину. Я периодически скучаю по всем людям, с которыми меня сводила судьба и жизнь.

Для меня они все будто потерянные части меня самого.

Глава 66. Побывай в Крыму, пока молодой

В Крыму я бывал до 2013 года всего пару раз. Таинственный полуостров, такой далекий, манящий и разнообразный, долгое время был надежным пристанищем советских отдыхающих. Собрались съездить туда небольшой компанией и мы. И первое, что нас привлекало в этот непростой год – относительная дешевизна поездки. Поэтому мы с радостью согласились протрясти сутки в поезде заезжая попутно в Гомель и Чернигов, а на обратном пути – в Киев.

Местом нашего отдыха был выбран курортный поселок Симеиз, часть т.н. «Большой Ялты» – протяженной городской агломерации, вытянувшейся вдоль Южного берега Крыма. Это неформальное место когда-то славилось тем, что здесь отдыхали любители «натурного отдыха» и представители сексуальных меньшинств. Так было в период существования СССР, теперь меньшинствам и натуралистам открыты все дороги, поэтому с Симеиза слегка сошел налет «неформальности» и вседозволенности. Впрочем, местами о нем еще кое-что напоминает.

Море – это моя первая любовь. Мы видимся, возможно, не так часто, как мне бы хотелось, но каждую встречу я жду с нетерпением. Мое последнее путешествие к морю было в июле 2010 года, теперь же мы вновь увиделись только в сентябре 2013. Только настоящие влюбленные могут ждать так долго...

Погода не баловала. Неожиданно начало сентября в Крыму выдалось прохладным и дождливым. ЧМ остыло мгновенно. Поплывать, конечно, удалось, но не каждый день. Зато мы детально исследовали ЮБК.

Сгоняли в красавицу-Ялту, заглянули в величественную Алупку, побывали в секретной Балаклаве и героическом Севастополе. В самом Симеизе мы поднимались на скалу Дива и почти каждый вечер отрывались на местной дискотеке. А еще были томные вечера с бутылочкой шампанского на берегу, зажигательные украинки и чувство, что жизнь удалась.

Дышать благодатным воздухом Крыма – это счастье само по себе. Каждое утро я вставал раньше всех и наслаждался спокойным блаженством моря и цветущей зеленью. В Минске в это время лил дождь и температура упала до 10 градусов. У нас тоже иногда лил дождь, но он нес забытое дыхание лета, то чувство, будто встречаешь старого знакомого и тогда не важно, какая погода вокруг.

Луна отражалась в бокале вина, солнечные зайчики целовали море, маршрутчики злобно сигналили, а воздух пропитался ароматами Эдема. Поездки, подобные этой, случаются раз в жизни и редко повторяются. Крым становится хорошим другом для всех, кто хочет с ним дружить. Покидая гостеприимный полуостров и проглатывая повороты трассы Ялта – Симферополь, что-то заставило меня обернуться. Я жадно впился взглядом в горы и небрежно впадающую в море Ялту и внутренний голос шепнул мне «нескоро мы увидимся снова».

В марте 2014 года во время политического кризиса в Украине в Крым были введены российские войска. Магический полуостров стал подобием Северного Кипра и ящиком Пандоры, который в скором будущем открыл неведомые ранее пути к новым войнам.

Глава 67. Гонзо, как образ жизни

Нет, однозначно самое трудное, с чем приходится работать в период написания автобиографии – это память. Кажется, что самое важное и так помнишь, детально и по датам, но когда начинаешь вспоминать, оказывается, что нет. Например, я четко помню, что кабельное телевидение появилось у нас в доме в 2003 году. Ну зачем, скажите на милость, мне помнить такие подробности? А вот месяц и даже год, когда я познакомился со своим журналистским кумиром Хантером Стоктоном Томпсоном, я не назову, хоть режьте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.